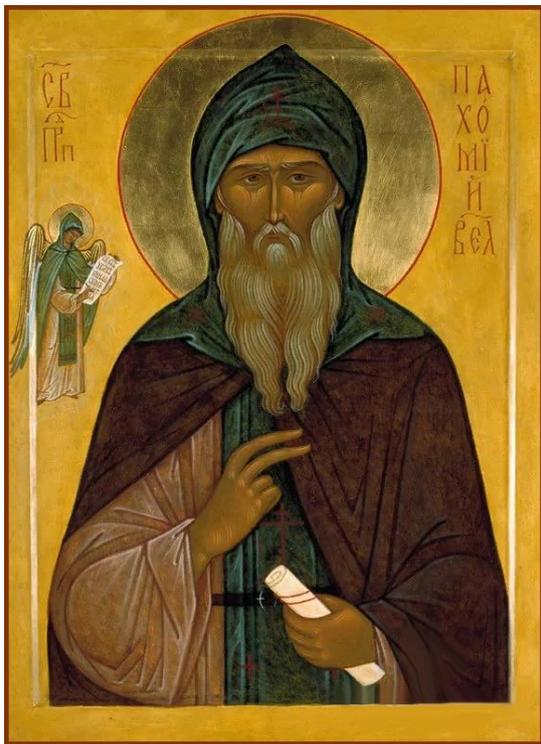

Память 28 мая (ст. стиль 15 мая)

Житие преподобного отца нашего Пахомия Великого

Пахомий родился в Верхнем Египте - в Фиваиде, именно в окрестностях города Эсне¹, в последнем десятилетии III в.² Родители его были ревностные язычники. С христианами он познакомился гораздо позднее, во время своей кратковременной службы в войске. Задатки чистой жизни сказались в нем очень рано, еще до познания Христа.

Однажды родители поручили Пахомию отнести рабочим котелок с говядиной. Заночевав по необходимости в том месте, Пахомий встретил искушение. Одна из дочерей хозяина, девушка очень красивая, убеждала его согрешить с нею. Целомудренный Пахомий ответил ей строго: "Невозможно мне совершить это худое дело; разве глаза мои - глаза собаки, чтобы мне согрешить с моею сестрою?"

Немедленно он пошел домой. Впоследствии он сам рассказывал об этом случае монахам, убеждая их тщательно предусматривать соблазны и побуждать искушения.

Святой Пахомий не был чужд книжного образования. Его последующая деятельность доказывает это. Притом родители его были люди состоятельные, а среди египтян была развита любовь к просвещению. Детей очень рано, в возрасте пяти-восьми лет, посылали в школу. Здесь они учились читать и писать, причем преподавались им и правила нравственности: эти правила заключались в самых прописях.

Когда Пахомию исполнилось двадцать лет, он был взят в войско. В это время у императора Константина была война с каким-то "тираном", вероятно с Максенцием, в 315 г. Пахомий со своими товарищами - новонабранными воинами отправился в путь. К вечеру достигли города Эсне. Здесь Пахомий и его товарищи были оставлены в здании темницы под охраной стражи. Скоро явились сюда христиане с запасами хлеба и всяких кушаньев и усердно просили путников подкрепить свои силы. Когда Пахомий потом спрашивал, почему эти люди так заботятся о них, совсем не зная их, ему отвечали, что это христиане, и что они поступают так ради Бога. Это оказало сильное действие на впечатлительную душу Пахомия.

На другой день Пахомий и его спутники отправились далее, к городу Антиноз³. Здесь очень многие молодые воины предавались всяким утехам и чувственным удовольствиям. Они хотели соблазнить и Пахомия, но он стал выше соблазна и настойчиво отвлекал от зла своих товарищей.

В это время император Константин одержал победу над своими врагами и отдал приказ распустить войско. Вместе с другими и Пахомий освободился от необходимости участвовать в походе. Теперь для него настало время сделаться христианином. Он пламенно желал служить верно Христу Богу, хранить себя чистым от всякой скверны плоти и духа и делать по силам своим добро ближним. Обет совершенной верности Христу он дал еще в заключении в город Эсне, пораженный милосердием христиан.

Отпущенный на свободу, святой Пахомий отправляется теперь в уединенное селение Шенесит (Хиновоск). Здесь он оглашается в истинах веры Христовой и принимает святое крещение в здешней церкви. В окрестностях селения Шенесит Пахомий жил довольно

долго. Он поселился здесь в старинном, тогда уже пустом, храме Сераписа. Надобно заметить, что при широком распространении христианства могло запустеть много храмов языческих. Средства к пропитанию он добывал усердным трудом, возделывая овощи и несколько пальм. Эти овощи и плоды были пищей и для тех, кто случайно или нарочито приходил сюда, также и для бедных, живших в Шенесите. Пахомий преуспевал здесь в любви к ближнему. Многие искали у него утешения. Слава его распространялась и дальше Шенесита. Благодетельство, любовь к ближнему и рассудительность Пахомия уже и в это время привлекали к нему многих на постоянное жительство. В это время ревность об угождении Богу очень многих побуждала оставлять шумные города и села, и если являлся где-нибудь особенно усердный подвижник, к нему устремлялись любители пустынного жития. Мы видим, что вскоре Пахомий начинает искать большего уединения, ищет себе самому руководителя в подвигах духовных. Может быть, именно опыт руководства своими сожителями и пробудил в Пахомии потребность в руководителе и для себя самого. Живя в окрестностях Шенесита, Пахомий был во многом полезен жителям этого селения. Когда в селении стала свирепствовать какая-то страшная, заразительная болезнь, от которой очень многие умирали, Пахомий служил больным и даже доставлял жителям в большом количестве сучья акации, чтобы, сжигая их, они могли очищать воздух.

В первые годы своей иноческой жизни Пахомий еще не вполне ясно отличал православное учение от еретических измышлений, не вполне верно знал, где истинная церковь Христова. Его старались привлечь на свою сторону последователи еретика Маркиона⁴. Но он знал, что есть и иные, отличные одно от другого, учения, усиливающиеся доказать свою истинность. Смущенный этим разногласием, он со слезами молил Бога открыть ему, где истина. В восхищении он слышал голос, что истина хранится в той церкви, которую управляет Александр, епископ Александрийский. Конечно Пахомий теперь всем сердцем стал желать познать эту истину и всегда вполне быть верным ей.

Потребность в руководителе побудила Пахомия оставить свое жилище в окрестностях Шенесита. Побуждением к этому было еще желание всецело посвятить себя Богу, духовному очищению и совершенствованию. Пахомий боялся и того, что его постоянные заботы о различных нуждах мирян, заботы более всего приличные священникам и верным мирянам, могут соблазнить более слабых иноков: они, по примеру Пахомия, могли бы увлечь ее служением миру и в то же время не сумеют сохранить себя не оскверненными от мира. Пахомий оставил окрестности Шенесита, прожив здесь три года. Уходя отсюда, он просил одного старого монаха возделывать здесь овощи и пальмы ради приходивших сюда бедняков.

Вот Пахомий разыскал келию славного своими подвигами старца Паламона. Этот старец жил в некотором удалении от городов и селений. Он пользовался уважением во всей окрестной стране. Около него жили и другие монахи, следовавшие его советам и подражавшие ему в образе жизни. Но очень многие вскоре уходили отсюда, чувствуя, что им не по силам такой строгий образ жизни. Когда Пахомий постучался к авве Паламону, старец спросил:

- Зачем ты стучишь?

Пахомий отвечал, что и он хочет быть монахом.

Старец возразил ему, убеждая его идти обратно, чтобы испытать себя, может ли он вынести тот строгий образ жизни, какой ведут ученики Паламона. Он говорил Пахомию:

- Я должен сначала сказать тебе, какова мера жизни монашеской. Вот она. Во всякое время мы бодрствуем половину ночи, размышляя о слове Божиим; очень часто мы остаемся с вечера до утра работать своими руками, делать веревки, чтобы бороться со сном и снабжать себя тем, что нужно для поддержания нашего тела. То, что остается сверх нашей нужды, мы отдаем бедным. Что же касается того, чтобы есть масло или что-нибудь вареное, пить вино, мы не знаем, что это значит. Мы постимся всякий день до вечера в продолжение летнего времени, а зимою мы постимся по два дня подряд или по три. Правило общих

молитв - шестьдесят раз молиться днем и шестьдесят раз ночью, кроме тех молитв, кои мы творим в каждое мгновение и коих счета мы не знаем.

Авва Паламон убеждал Пахомия еще испытать себя и тогда уже снова явиться к нему.

Пахомий решительно ответил старцу:

- Я во всем испытывал себя в продолжение многих дней, прежде чем явиться к тебе.

Тогда Паламон открыл дверь, братски облобызал Пахомия и поспешил объяснить ему, что все это он говорил не из тщеславия, а ради его спасения, что этого они не сообщают людям мирским. Однако авва Паламон опять высказал желание, чтобы Пахомий возвратился в свое прежнее жилище, чтобы там еще испытать себя.

Но Пахомий возразил:

- Я уже испытал свою душу во всем и уверен, что при помощи Божией, по твоим святым молитвам, сердце твое будет спокойно относительно меня.

Старец ответил ему:

- Очень хорошо.

Пахомий тотчас же был принят. Авва Паламон несколько дней особенно внимательно наблюдал за Пахомием, чтобы испытать его в молитве, в бодрствовании, в посте. Когда нужно было есть хлеб, старец оставлял Пахомия есть одного.

После трехмесячного испытания, авва Паламон облек Пахомия в монашеские одежды, опоясал его иноческим поясом⁵, пред чем оба подвижника вместе молились целую ночь. Теперь Паламон особенно старался приучить Пахомия к ночному молитвенному бодрствованию. С вечера они заготавливали материал для ручного труда, потом долго с усердием молились, наконец принимались за работу, стараясь не потерять молитвенной настроенности духа и не поддаться сну.

Когда наступил праздник святой Пасхи, Паламон сказал Пахомию, что в этот день он будет дважды вкушать пищу. Приготавливая пищу, Пахомий влил в нее немного масла. Но Паламон не захотел такого ослабления поста даже и в день Пасхи. С великою скорбью он говорил: "Мой Бог был распят за меня, а я буду есть масло, которое дает крепость телу!"

Он хотел было совсем отказаться от пищи до другого дня. Старец только тогда согласился принять пищу, когда Пахомий бросил соль, содержащую немного масла, и подал ему соль, посыпанную золой. Пахомий с великим смирением просил прощения. Конечно, они оба вкусили хлеба с солью. Слезы текли по ланитам строгого старца и смиренного ученика, желавшего во всем подражать своему любимому учителю.

Пахомий часто уединялся среди гор и здесь целые ночи проводил в пламенной молитве. Место, где он молился в летний зной, воздевая руки к небу и не позволяя себе опустить их, иногда покрывалось даже грязью от обильного пота, падавшего с его тела. Пахомий не обращал внимания на то, что иногда в его ноги вонзались колючие иглы терновника. Какие бы неудобства пустынной жизни ни встречались, он с благодушием сносил все, взирая постоянно на те мучения, какие терпел ради нашего спасения Господь Иисус Христос.

Во всем строгие к себе и вместе смиренные, Паламон и Пахомий не дерзали просить себе от Бога знамения, никогда не надеялись на свою праведность. Из последнего времени жизни аввы Паламона известен следующий случай, показывающий, как был строг к себе учитель Пахомия даже и тогда, когда силы его от старости и подвигов очень ослабели.

Однажды Паламон сильно заболел. Иноки пригласили к нему опытного врача. Но врач отказался лечить старца, сказав, что ему прежде всего необходимо улучшить питание. Братья стали убеждать старца послушаться врача. Он согласился принимать пищу, назначенную больным. Когда Паламон и после этого не выздоровел, он начал с глубоким убеждением говорить инокам:

- Не думайте, что здоровье приходит от тленной пищи: ведь сила и здоровье приходят от Христа; ведь мученики Христовы давали отсекал свои члены, терпели огонь и всякие виды мучений, пока наконец их не обезглавливали. А я! Я не могу выносить легкую болезнь, я просил врача заботиться о мне; я пользовался лекарствами; потом, согласившись пользоваться ими, я не получил отсюда никакой пользы. Мне остается одно - снова начать

свои подвиги; это лучшее лекарство, и Тот, по Чьему пути я иду, конечно будет знать мое намерение, будет пещись о мне больше, чем я сам мог бы сделать.

Авва Паламон с прежним усердием и постоянством предался иноческому подвигам, ограничивая все свои потребности. Милосердный Господь на некоторое время восстановил его здоровье.

Однажды Пахомий ходил по пустыне. Наконец, он достиг развалин селения Тавенниси, немного к югу от Шенесита в округе Тентирском⁶. Здесь Пахомий услышал голос: "Пахомий, Пахомий, подвизайся и пребывай на этом месте; построй себе обитель, и множество людей придут к тебе, чтобы сделаться монахами около тебя, и получают они пользу душам своим".

Пахомий немедленно идет к авве Паламону и сообщает ему об этом. Тогда они оба отправляются в Тавенниси и строят здесь обитель, строят собственно небольшое иноческое жилище. Паламон пошел опять на место своих прежних подвигов. При этом он указал на близость своей кончины и предрек будущую славу Пахомиева монастыря. Старец уверял своего любимого ученика, что Господь пошлет ему силу и терпение для управления многочисленными братьями. После продолжительной молитвы, они расстались. Паламону сопутствовали некоторые ученики его, приходившие навестить своего учителя.

Прошло некоторое время, и авва Паламон опасно заболел. Ученики его послали за Пахомием. Он быстро отправился к старцу и остался при нем, чтобы служить ему до самой смерти его. Наконец, старец почил смертью праведника в десятом часу двадцать пятого дня месяца Авива. Ученики его провели всю ночь в чтении и пении псалмов над старцем. Утром они совершили обычную молитву и потом отнесли тело почившего на гору, на некотором расстоянии от его келии; там они похоронили его, совершив еще раз усердное моление об упокоении души усопшего старца со святыми. Все они теперь были в великой печали. Лишившись советов и утешений великого старца аввы Паламона, они считали себя сиротами. Пахомий возвратился в свою келию в Тавенниси, скорбя о почившем наставнике, и в своем уединении предался усиленным подвигам благочестия. Вскоре он сам делается руководителем других на пути ко спасению.

Когда Пахомий один жил в Тавенниси, к нему пришел старший брат его, Иоанн. Пахомий с любовью принял брата. Прошло уже много лет со дня их разлуки, так как Пахомий не возвращался домой после того, как был взят в войско. Благочестивая беседа Пахомия сильно подействовала на Иоанна, и он остался в Тавенниси навсегда.

Оба брата теперь трудились уже общими силами. Добытое усердным трудом они отдавали нуждающимся. Они проводили очень строгую жизнь. Одеты в грубое шерстяное платье, они уходили в жаркие места, где стояли до утра на молитве, не сгибая ни колен, ни рук, простертых к небу. Такую всенощную молитву они совершали очень часто, хотя ноги их иногда пухли от напряжения, а москиты до крови кусали их руки. Если братьев-подвижников одолевал сон, они садились на том же месте, где совершали свою молитву, но не позволяли себе опираться на что-нибудь. В продолжение дня они до тех пор занимались телесным трудом, пока зной от палящих лучей южного солнца не делался невыносимым.

Ради будущих своих сожителей Пахомий начал заботиться об устройстве ограды вокруг того места, где он подвизался с братом. Пахомий желал, чтобы ограда заключила в себе как можно больше места: он ожидал к себе много других иноков. Но Иоанн, предполагая, что они всегда останутся вдвоем, недружелюбно смотрел на этот труд. Он даже портил умышленно стену, которую они строили. Пахомий однажды сказал ему по этому поводу: "Довольно безумия!"

Иоанн очень рассердился и долго потом не мог успокоиться, хотя Пахомий просил прощения.

К вечеру этого дня Пахомий сошел со стены и долго молился. В это время он еще живее почувствовал свою вину перед Иоанном и утром еще с большим смирением просил у него прощения. Конечно, братья-подвижники теперь стали еще больше любить друг друга и смиряться один перед другим, Иоанн более и более преуспевал в подвигах благочестия и

самоумерщвления. Скоро достигши высокого духовного совершенства, он умер, оплакиваемый братом Пахомием.

Пахомий в это время был уже совершенным подвижником. Поэтому и искушения бывали у него очень сильные, но своею молитвою и терпением он всегда успевал отражать самые страшные козни врага.

Вот что случалось с ним. Иногда, когда он хотел преклонить колена для молитвы, пред ним, по действию демонов, являлась как бы яма; но Пахомий безбоязненно молился. Иногда на дороге окружали его демоны подобно почетной страже и громко кричали: "Освободите дорогу для человека Божия".

Диавол очень желал внушить Пахомию тщеславие и гордость; но он был совершенно нечувствителен к этому искушению. То вдруг диавол делал, что келия Пахомиева тряслась и колебалась, как будто готова была упасть; но Пахомий нисколько не смущался этим и с глубочайшим спокойствием повторял слова псалма: **"Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах. Поэтому не убоимся, хотя бы поколебалась земля и горы двинулись в сердце морей"** (Пс.45:2-3).

Однажды демоны являлись Пахомию в виде работников, усердно старавшихся сдвинуть камень с места при помощи канатов, но - без успеха. Молитва Пахомия заставила их исчезнуть. Много раз, когда Пахомий садился есть скудную пищу, бесы являлись ему в виде нагих женщин; но Пахомий закрывал глаза и отвращал от видения сердце и - демоны исчезали. Борьба с темными силами ада требовала от Пахомия большего напряжения всех сил и иногда очень его утомляла. Однажды Господь послал ему нового утешителя в лице инока Аполлона⁷. Пришедши к Пахомию, этот благочестивый, опытный и добрый инок решительно сказал ему:

- Будь мужествен Пахомий: не бойся никакого действия со стороны духов, ибо помощь Божия даст тебе победу над ними.

Этот старец остался с Пахомием к великому утешению для обоих. Впрочем, старец Аполлон скоро скончался. Однажды, когда Пахомий собирал тростник для своего рукоделия, ангел Господень явился и сказал ему: "Пахомий, Пахомий, Пахомий! Воля Божия - чтобы ты служил роду человеческому и воссоединял людей с Богом".

Когда ангел Господень удалился, Пахомий остался и смотрел вслед его, говоря: "Это - дело Господне".

Собрав немного тростника, он пошел в свое обиталище.

Вскоре после явления ангела, к преподобному Пахомию пришли три человека - Пшентаиси, Сурус и Пшои. Они сказали Пахомию: "Мы хотим сделаться монахами вблизи тебя и быть рабами Христовыми".

Убедившись в их искреннем благочестии, Пахомий с любовью и радостью принимает их и дает им монашескую одежду.

Эти три инока с увлечением и постоянством предаются самым трудным подвигам, руководимые примером и наставлениями святого Пахомия. Их поразило его трудолюбие. Авва Пахомий сам заботится о всем, сам очищает и поливает сад, отворяет дверь приходящим и беседует с ними, с усердием служит больным. О новых иноках он говорил: "Это - молодые растения, не достигшие еще той меры, чтобы служить другим".

Освобождая новых иноков от всякой внешней заботы, Пахомий внушал им, чтобы они усердно занимались делами, которые прямо ведут к очищению сердца, к укреплению воли в добро. Когда первые ученики открыто выражали Пахомию свое сожаление по поводу его постоянных трудов для них, он говорил им с глубокою верою: "Какой человек может привязать животное к машине⁸ и пренебрегать им дотолы, пока оно не упадет и не умрет? Когда Господь увидит, что я утомлен, Он пошлет нам людей, которые будут помогать нам во всяком добром деле".

Для утверждения первых своих учеников в добродетели, святой Пахомий наложил на них некоторые правила. Единообразие в пище и одежде было признано необходимым и в этом маленьком общежитии.

Слух о благочестии и мудрости святого Пахомия более и более распространяется по Египту. К нему являются то те, то другие люди, проникнутые жадой высших подвигов. Приходили иногда и отшельники, уже достигшие высокого духовного совершенства, чтобы отдать себя под руководство святому Пахомию. Так явились пять славных подвижников, которые прежде проводили отшельническую жизнь. Это были: авва Печош (или Пекусий), авва Корнилий, авва Павел, авва Пахомий и авва Иоанн. Пахомий всех их принял с радостью. Являлись иногда люди с худым настроением души и с дурными навыками. Замечая, что их нельзя уврачевать, но что они могут своим примером развратить других иноков, Пахомий удалял их из своего общежития. К святому Пахомию стремились многие, и он был для них постоянным руководителем и наставником.

Движимый любовью к ближним, святой Пахомий, с помощью своих иноков, в ближайшем к монастырю селении построил церковь, чтобы жители этого селения могли приступать чаще к причащению Св. Таин и назидаться слушанием слова Божия. По бедности обитателей, святой Пахомий принял на себя все издержки по совершению Евхаристии. Сам он с братьями и читал в этой церкви. Когда нельзя было найти пресвитера, Пахомий приходил в церковь и назидал присутствующих чтением слова Божия. Иноки в церкви так благоговейно держали себя и Пахомий так усердно исполнял обязанности чтеца, что посетители этой церкви постепенно оставляли грехи, заботились об очищении сердца, делались христианами не по одному лишь имени. На авву Пахомию они смотрели не как на человека, но как на ангела Божия.

Количество иноков в Тавеннисийском общежитии более и более увеличивалось. Когда оно достигло до ста человек, Пахомий пришел к мысли, что необходимо построить церковь и в самом монастыре. Когда была устроена церковь, братия отправлялись, как и прежде, в субботу в церковь, находившуюся в селении, а в воскресенье пресвитер приходил в монастырь и здесь совершал литургию. Впоследствии выходы братии в село для участия в совершении литургии в субботу прекратились.

Между иноками Пахомиева монастыря никто не имел пресвитерского сана. И сам Пахомий не хотел принять этот сан. Он часто говорил братии: "Хорошо для нас и не просить о подобном деле, чтобы между монахами не было ни зависти, ни спора, ни непослушания, ни разделения, вопреки воли Божией. Как огонь на гумне, если бы не поспешили погасить его, погубил бы труд целого года: то же самое представляет помысел гордости в своем начале. Хорошо, чтобы мы покорялись Церкви Божией твердо и спокойно. И во всякое время, кого только мы найдем посвященным епископами, его и будет довольно для нас для этого дела.

К преподобному Пахомию являлись и пресвитеры, желавшие сделаться монахами. Святой авва не отказывал им в приеме в монастырь. Конечно, они должны были во всем безусловно подчиняться правилам жизни монашеской и обычаям общежития. Пахомий в своем служении спасению ближних обращался к их содействию, если они оказывались неизменно скромными и послушными. Сам Пахомий ни за что не соглашался сделаться священником, хотя его достоинства всеми высоко ценились.

Известен следующий случай из его жизни. Однажды святой Афанасий, архиепископ Александрийский, обозревал паству. Его везде торжественно встречали. На встречу ему выходили епископы, пресвитеры и народ. Некоторые епископы, пресвитеры и множество клириков сопровождали его. Вышел навстречу великому святителю и сам Пахомий со своими иноками. Они пели псалмы до тех пор, пока не вошел в обитель архиепископа. В это время Серапион, епископ Тентирский, взял архиепископа Афанасия за руку и сказал ему:

- Прошу твою любовь сделать священником авву Пахомия, отца монахов, чтобы он управлял всеми монахами моего округа.

Услышав это, святой Пахомий мгновенно скрылся. Архиепископ сел. Многочисленная толпа окружила его. Святой Афанасий сказал громко, обращаясь к епископу Серапиону:

- Я слышал о вере Пахомия, будучи еще в Александрии, прежде моего посвящения.

Потом святой Афанасий встал, сотворил молитву и сказал ученикам Пахомиевым:

- Приветствуйте вашего отца и скажите ему: ты скрылся от меня и избежал того, что может возбудить зависть и соревнование; ты избрал добродетель, которая пребудет вечно со Христом. Пусть Господь наш даст тебе по желанию твоему.

Конечно, смирение преподобного Пахомия располагало и братии Тавеннисийского общежития также к смирению. Подобно своему великому авве они не искали и даже боялись возвышения. Ни греческие, ни коптские историки не указывают между ними пресвитеров.

С умножением иноков в Тавенниси явилась возможность укрепить здесь стройный чин общежития, подвести все действия иноков под строгие общежительные правила. Сам преподобный Пахомий был для киновитов⁹ и учителем и судьей, был и правилом и образцом для деятельности каждого.

О благе всех и каждого печется прежде всех сам великий авва Пахомий. Он постоянно убеждает иноков не ослабевать в молитве, не переставать призывать имя Божие, чтобы без молитвы не быть застигнутым врасплох сатаной. Святой Пахомий пользовался всяким случаем, чтобы сказать слово назидания тому или другому брату. Но, кроме этих частных бесед, он обыкновенно говорил еще три общих поучения в течение недели - одно в субботу и два в воскресенье. Он заповедал, чтобы и всегда начальник монастыря составлял и произносил три поучения в неделю. Кроме трех поучений начальника монастыря, во время субботних и воскресных собраний иноков, обязательно в два седмичные поста, т.е. в среду и пятницу, говорили поучения своим монахам начальники домов.

Иноки всякий вечер собирались для духовной беседы и вообще любили назидать друг друга теми уроками, какие каждый извлекал из чтения слова Божия и из наблюдений над жизнью тех или других людей. Иноки любили повторять изречения свящ. Писания и размышлять о них. Поэтому и при взаимных беседах они всегда могли назидать друг друга мыслями и словами Библии. Праздных бесед и пересудов мы не видим в Тавенниси. В общежитии было много домов; каждым из них заведовал особый начальник, у которого был свой помощник, второстепенный по нем. Этот второстепенный заменял начальника в случае его отсутствия или болезни.

Святой Пахомий позаботился о том, чтобы каждого вступающего в монастырь брата встречали иноки особенно благочестивые и мудрые. Эти иноки-привратники каждого нового брата встречали, устраивали и в течение трех лет искуса, до облечения его в монашескую одежду, усердно назидали своими беседами, предохраняя его от всякого зла. Таким образом, новоначальные в Тавенниси находили опытных и постоянных руководителей и могли благочестиво настроиться в первые же годы своей жизни в монастыре. Святой Пахомий и сам внимательно наблюдал за новоначальными. Как радовали его успехи и усердие молодых иноков. Как внимателен он был к их нуждам! Как предохранял он их от всякого соблазна и искушения совне, также как и от увлечения какими-нибудь нечистыми помыслами!

О больных братиях в Тавенниси очень много заботились. О них имели попечение и особо назначенные для служения в больничном доме иноки с их начальником, имел попечение и сам преподобный Пахомий.

При братской трапезе прислуживали особые иноки. Они сменялись через три недели. От этих иноков требовалось постоянное усердие, тем более, что братия вкушали пищу не в одно время. Иноки, служившие при трапезе, в течение трех часов приготавливали, распределяли и раскладывали хлеб, различные овощи и маслины. В дозволенные дни подавали за трапезой сыр, яйца, овощи вареные, похлебку из вареных зерен. Каждый брат подходил к столу в то время, когда желал, и принимал свою часть. Но это было только один раз в день: одни ели в шестом часу, другие - в седьмом, иные - в восьмом, иные - в девятом, в десятом, в одиннадцатом, иные же к вечеру, когда показывались на небе звезды. Некоторые иноки были так строги к себе, что вкушали пищу только один раз в два дня. Вообще пост¹⁰, согласно первоначальному уставу, не налагался ни на кого против воли. Только более близких к себе иноков святой Пахомий склонял поститься, т.е. совсем

воздерживаться от пищи, по средам и пятницам. Но многие иноки сами налагали на себя усиленный пост.

При многочисленности монахов в Тавеннисийском общежитии было и много различных должностей, послушаний. Исполнение некоторых должностей было особенно трудно. Все проходившие то или другое "послушание" в монастыре, особенно начальники, были очень усердны. Преподобный Пахомий по прошествии некоторого времени иногда сменял тех, кто исполнял известное "послушание", заменяя их другими. В этом случае он желал достигнуть двух целей. Во-первых, он стремился к тому, чтобы вновь назначенный извлекал из своего "послушания" плоды духовные, чтобы он мог получить от Господа награду за свой ревностный труд на пользу братства. Святой Пахомий был того мнения, что всякое "послушание" в обители, исполняемое с усердием, доставляет иноку награду не ниже той, какую получит монах, если будет ревностно поститься, бодрствовать и молиться Богу. Во-вторых, Пахомий желал, чтобы имели возможность отдохнуть после труда ревностные труженики хотя некоторое время. Однако братия, усердно занимавшиеся исполнением своих "послушаний", неохотно соглашались на отдых, дозволенный великим аввою. Они были убеждены в том, что этот мир не есть место отдыха, а напротив - место напряженного труда, постоянной борьбы и самоотверженных подвигов, и что только тот, кто здесь трудится, в будущей жизни получит истинное упоение и нескончаемое блаженство. И всякий продолжал с усердием заниматься тем делом или ремеслом, какое знал, или вообще какую-нибудь работою для монастыря, в точности подчиняясь распоряжениям начальника.

От всякого инока, какую бы должность ни проходил он в монастыре, требовалось полное подчинение начальнику и безусловное, точное исполнение устава. Это было главным отличием жизни киновии от жизни отшельнической в тесном смысле этого слова. В полном послушании был и залог духовного совершенствования киновитов. В послушании было великое нравственное преимущество киновии. Нарушение распоряжений начальника или предписаний устава, хотя бы и по ревности о подвижничестве, всегда могло вести к ропоту со стороны других и быть причиною всяких беспорядков в общежитии. Поэтому Пахомий строго наказывал нарушителей долга послушания, чем бы они ни оправдывали себя. Такие случаи бывали и в Тавеннисийском общежитии, хотя очень редко.

Для покупки необходимых вещей и продажи монастырского рукоделья выбирались особенно благонадежные иноки, украшенные всякими добродетелями, чтобы мир не мог их соблазнить, а они служили бы назиданием для мира. Обращалось особенное внимание на то, чтобы они не были пристрастны к стяжениям, хотя бы от этих стяжений монастырь мог получить значительную пользу.

Когда в Тавенниси количество иноков увеличивалось более и более, здесь должны были умножаться и различные хозяйственные учреждения. Должно было умножиться и количество лиц, проходивших те или другие "послушания" ради удовлетворения различных нужд монастыря. Когда количество иноков и монастырей в Пахомиевой киновии умножилось, мы видим там очень много иноков, на которых были возложены различные обязанности по монастырю. Мы видим здесь правильно устроенные хлебные, сначала только в Тавенниси, а потом в монастырях Певоу (самом главном) и Фенум. В этих хлебных иноки работали при самой глубокой тишине, содействовавшей и успеху работы и самособранности духа. Не было здесь разговоров. Даже спросить воды или муки нельзя было: нужное требовали стуком о квашню. Во время работы читали на память заученное из слова Божия.

В одно время в Тавеннисийском общежитии было 15 портных, 7 кузнецов, 4 плотника, 15 красильщиков, 20 дубильщиков кож, 12 погонщиков верблюдов, 20 садовников, 15 сапожников, 12 иноков, приготовлявших покрывала, 10 ночных стражей и 10 переписчиков. Иноки своим трудом приготовляли для обители все необходимое, и лишь немногое им приходилось покупать в городах. Особенно распространено было среди киновитов

выделывание рогож, и это не только было хорошим рукоделием для монахов, но и могло усиливать денежные средства киновии, а деньги необходимы были и здесь.

Деньги хранились, по заповеди святого Пахомия, в одном месте, в распоряжении эконома. Этот эконома и удовлетворял все братские нужды. Но иноки не могли иметь свои деньги. Между монахами было много таких, которые пришли в монастырь еще в детстве со своими родителями. Выросши, они не умели различать золота от серебра и были совершенно равнодушны к деньгам.

Нужды братии были очень скромны. Нестяжательность была так велика, что всякий имел только одну одежду и одно покрывало из овечьей или козьей кожи. Разорванную одежду особо назначенный инок должен был чинить, вымывать и потом хранить в складе поношенной одежды. Когда кто-либо из монахов хотел вымыть свое платье, он брал себе одну из этих починенных одежд, а вымыв свое платье, возвращал эту одежду заведовавшему ею иноку.

В киновии было очень много переписчиков. Эти опытные писцы усердно списывали те книги, какие были особенно полезны монахам, по указанию начальника. Трудились они с успехом: монастырские книгохранилища увеличивались, и каждый инок мог найти здесь для себя пищу духовную.

При всяких сношениях с миром иноки должны были соблюдать особенную осторожность. Во время пути они должны были повторять про себя известные им изречения святого Писания и размышлять о них. В путешествие отправлялись всегда несколько человек вместе, по крайней мере двое. Если на пути встречалась женщина, желавшая говорить с ними, то старший инок приближался к ней и, опустив глаза, с великою скромностью вел недлинный разговор. Встречая на пути начальника или воина, каждый инок сходил со своего осла и молился в стороне, уступая дорогу путнику.

В мирских домах иноки обыкновенно не вкушали пищи. В крайнем случае вкушали лишь то, что было разрешено монастырским уставом.

Чтобы мир не оказывал худого влияния на монахов через письменные сношения, письма в монастыре получал начальник, и если он видел, что письмо заключает в себе добрые мысли, то передавал его по назначению. Никто в монастыре не мог рассказывать того, что он видел или слышал в мире, если это не вело к общему назиданию. Что-нибудь назидательное можно было сообщать лишь с дозволения начальника. Вообще говорливость не поощрялась среди иноков.

Странники принимались в особом помещении. Никто из братии не мог принимать их у себя в келии. Даже о приходе кого-нибудь из родных никто не мог передавать монахам: о приходе странников говорили кому следует только привратники. В гостинице странникам оказывали самый радушный прием. Для женщин было отдельное от мужчин помещение. Даже чужих монахов преподобный Пахомий не помещал вместе со своими иноками, не позволял пускать их даже в общую трапезу, хотя и оказывал им все знаки братской любви и позволял им входить в церковь во время общей молитвы, если только они были православные, а не еретики.

Слава святого Пахомия более и более распространялась по Египту. О великих подвигах его узнала наконец и родная сестра его Мария, просвещенная уже христианскою верою и остававшаяся девою. Очень желая увидеть брата Пахомия, она отправляется в Тавенниси. Сообщили о ее приходе Пахомию. Отрекшийся от всяких земных пристрастий, избегавший свиданий с женщинами, святой Пахомий отказывает сестре в свидании, но в то же время через монаха-привратника указывает ей новый путь жизни. Он говорит ей, что настоящая жизнь есть лишь приготовление к жизни будущего века, а жизнь в удалении от мира, жизнь монастырская, может дать все средства ко спасению. Пахомий обещает сестре, что для нее иноки построят уединенное жилище, если она захочет проводить жизнь монастырскую. Тогда, говорит он, и другие женщины, поселившись с нею, могут отдаться всецело заботе о достижении духовного совершенства. Грустно было для Марии слышать, что брат ее сам не хочет беседовать с нею. Она заплакала. Но слова Пахомия, переданные ей через монаха

привратника, содержали и много утешительного. Она согласилась на то, к чему призывал ее Пахомий. Тогда Пахомий послал монахов построить для нее жилище вблизи селения, на довольно значительном расстоянии от монастыря мужского, на другой стороне Нила.

Спустя короткое время уже большое количество женщин являются к Марии, чтобы навсегда остаться жить с нею. Сестра преподобного Пахомия делается для них матерью, старицей. Она руководит их на пути ко спасению до самой своей смерти.

Со своей стороны и авва Пахомий с великим усердием заботится об этом монастыре. Для ближайшего руководства духовною жизнью в женской обители он назначает старца Петра. Пахомий сам написал особую книгу с правилами монашеской жизни, и эти правила сестры обители должны были усердно изучать и исполнять.

Конечно, могли быть случаи, когда кому-либо из иноков нужно было посетить ту или другую сестру. Свидания эти в случае необходимости разрешались самим Пахомием. Получив разрешение Пахомия, инок являлся к заведовавшему женским монастырем старцу Петру. Старец посылал за матерью монахинь, за тою монахиней, которую нужно было видеть иноку, и еще за третьей монахиней: все садились, и тогда начинался разговор, причем, конечно, все имели в виду то, что длинные и особенно праздные беседы неприличны монашествующим.

Если какая-нибудь инокиня умирала, сестры относили ее в место их молитвенных собраний. Мать инокинь одевала ее погребальным саваном. Авва Петр сообщал о смерти монахини Пахомию. Назначенные им иноки, проводившие безукоризненную жизнь, отправлялись в женский монастырь. Они останавливались у ворот молитвенного дома и здесь пели священные песнопения. Наконец усопшую погребали, причем к гробнице сопровождали ее с пением сестры в предшествии матери, а старец шел сзади их. Расходились, зарыв усопшую в землю и совершив над нею последнюю молитву. Иногда сестер погребали в самом монастыре, а иногда относили их к ближайшей горе.

Еще в одном случае иноки Тавеннисийского мужского общежития оказывали большую помощь женскому монастырю. Когда являлась надобность исправить или вновь построить какое-либо здание в женском монастыре, Пахомий посылал для этого самых благочестивых монахов. Они находились там под неусыпным надзором старца Петра. Они не могли оставаться в женской обители вкушать пищу, но в тот же день возвращались в свою обитель.

Количество сестер в женском общежитии скоро умножилось до четырехсот. Обычная пища инокинь, их посты, их одеяния, за исключением головного покрывала - все соответствовало принятым в мужском общежитии обычаям. Инокини трудились и на пользу мужского общежития: они приготавливали шерстяные одежды для иноков. В свою очередь они получали необходимые для них припасы от эконома мужского общежития.

Известен один важный случай из жизни женского монастыря. Одна из монахинь как-то вышла за ограду монастыря. Она встретилась с мирянином портным и, удивляясь, спросила его о причине прихода в эти места. Тот ответил, что желал бы иметь работу. Сестра возразила, что они имеют собственных портных. Портной удалился. Свидетельницей этого разговора была одна монахиня. Поссорившись как-то с той монахиней, она стала порицать ее и припоминала с укоризною ее разговор с портным. Молодая инокиня, взволнованная ложным обвинением, горячо плакала. Она преувеличенно представляла себе тот позор, какой, по ее мнению, ожидал ее теперь в монастыре. Угнетаемая скорбью, она тайно пошла к реке, бросилась в ее волны и утонула. Узнав об этом, другая сестра, позволившая себе незаслуженно укорять несчастную молодую инокиню, впала в великое отчаяние и лишила себя жизни, задушив себя веревкой.

Скоро узнал об этом преподобный Пахомий. Глубоко опечаленный этим случаем, старец запретил поминать их в молитвах домашних, совершать литургию и подавать милостыню за них. Пахомий строго отнесся и ко всем сестрам общежития. В виду того, что они не употребили должного старания, чтобы найти невинную и обидчицу, примирить и

успокоить их, и пренебрегли их положением и спокойствием, а может быть и поверили клевете одной из сестер, старец отлучил их от святого причащения на семь лет.

Множество людей приходили к Пахомию отовсюду, чтобы навсегда подчиниться ему. Количество монахов в Тавенниси слишком умножилось. Стало очень тесно. По внушению Божию, святой Пахомий пошел искать еще места, удобного для построения новой обители. Очень удобное место оказалось к северу от Тавенниси, не в далеком расстоянии отсюда. Место это называлось Певою¹¹. Здесь и был устроен новый монастырь, очень обширный и вскоре сделавшийся средоточием всего общежития.

Монастырь этот был обнесен оградой. Епископ области Диоспольской благосклонно относился к монахам. По его мысли преподобный Пахомий устроил здесь и церковь.

Теперь явилась возможность принимать в общежитие всех, желавших поселиться здесь навсегда. Из старого монастыря в новый Пахомий переселил много монахов, притом именно таких, которые хорошо привыкли к порядкам общежития и могли быть опытными руководителями и служить добрым примером для новых братии. И здесь были назначены свой начальник, эконоом и братия для исполнения различных послушаний. Все с усердием должны были исполнять законы общежития, помня, что они назначены одинаково как для новоназначенных, так и для самих начальствующих.

Прошло некоторое время, и два монастыря не могли уже вмещать всех желавших здесь подвизаться. Постепенно устроилось еще семь монастырей. Количество иноков в Тавеннисийском общежитии дошло до семи тысяч человек. Конечно, одни монастыри были более населены, другие - менее. И все это множество иноков, рассеянных по многим обителям, было единым иноческим братством.

Святой Пахомий часто посещал все монастыри. Сам он стал жить в монастыре Певою, где сосредоточивалось общее управление всех монастырей. Этот монастырь был самым многолюдным. Отсюда иноки других обителей получали необходимые им предметы. Эконому этого монастыря давали отчет в работах. Сюда иноки всех монастырей собирались дважды в год, принимали здесь участие в молитвах и слушании поучений и получали благословение преподобного Пахомия на свои подвиги. В монастыре Певою совершали и крещение оглашенных во дни святой четыредесятницы. Тогда оглашенных приводили сюда из всех монастырей. Таким образом, были между иноками люди еще не принявшие святого крещения, но готовившиеся к нему, были оглашенные. В Певою их приводили для крещения вероятно потому, что там были священники, а в других монастырях не было священников. Конечно, это общение всех монастырей было в высшей степени полезно для монахов: оно связывало всех иноков Пахомиевых обителей самыми тесными узами духовной любви, оно ободряло малодушных, возбуждало ревность в ослабевших, а для усердных и преуспевших подвижников было очень важно, что они видели высокие образцы подвижнической жизни и научались соревновать им и скромно смотреть на свои подвиги. Но всего важнее были эти путешествия в Певою тем, что они давали возможность всем инокам видеть обычную жизнь святого Пахомия и слушать его наставления. И во время своих путешествий для обзора обителей святой Пахомий учил монахов не только словом, но и примером. Он готов был повиноваться всякому, смирялся пред низшими и с удовольствием бы принял урок от самого юного члена общежития. Вот один из множества подобных случаев.

Преподобный Пахомий особенно часто ходил в Тавенниси. Во время этих посещений он не оставлял своего обычного ручного труда. По распоряжению аввы Феодора, здесь употребляли особенный способ плетения рогож: веревки не следовало сильно стягивать; в этом случае и труда было меньше, и рогожи выходили лучше. Когда Пахомий плел здесь свою рогожу, один мальчик, живший в монастыре, исполнявший в эту седмицу свою череду на этом послушании, откровенно заметил ему, что он не так плетет, как распорядился авва Феодор. Пахомий с кроткою радостью выслушал замечание отрока и просил научить его, как именно следует работать. Мальчик показал Пахомию, как у них работают. Авва Пахомий тотчас же стал именно так плести рогожу.

Большой страх возбудили среди Тавенниситов жившие по близости варвары, которые не только теперь, но и позднее делали нападения на селения и на монастыри и причиняли им великий вред: грабили, расхищали, вымогали с обитателей выкуп или уводили их в рабство. Иноки северных обитателей от них разбежались. Ради того, чтобы северные обитатели не разрушились совсем и монахи не разорались совершенно, преподобный Пахомий посылает в северные обитатели большое количество иноков. Сам он остался в монастыре Певоу, а своего любимого ученика Феодора послал с книгами для чтения к инокам северных монастырей. Отправляя туда Феодора, Пахомий утешал его надеждою на помощь Божию. Пахомий дал обет - в случае удаления варваров послать в церковь, разграбленную ими, книги, много пшеницы и вообще то, в чем эта церковь нуждается. На другой день варвары, совершенно разбитые императорским войском, удалились. Это успокоило монахов.

Когда варвары еще не были поражены, они нашли одного отшельника и заставляли его поить их вином. Но когда он хотел налить им вина, они требовали, чтобы он сначала принес жертву их богам. Инок не соглашался. Варвары стали грозить ему, что убьют его, если он не исполнит их требования. Несчастный отшельник не имел мужества, чтобы отказаться от принесения жертвы богам языческим. Он исполнил требование варваров. После этого он стал поить варваров вином. Они от опьянения уснули. Это дало иноку возможность убежать от них. Но сердце отшельника было безутешно. Он был так подавлен своим горем, что не мог даже молиться. Вспомнив о доброте и мудрости Пахомия, этот иннок поспешно пошел к нему, решившись отдать себя вполне на суд великого старца. Он с глубокою скорбью объявил святому Пахомию, что после своего наружного отречения от Христа чрез принесение жертвы ложным богам он уже не видит возможности покаяться и получить прощение грехов, поэтому он уже целый месяц не молится Богу.

Пахомий отечески укорил его за то, что он как бы бросил в огонь тот венец, который держал над главою его Ангел и уже хотел возложить на него. Видя искренние слезы невольного изменившего Христу монаха, Пахомий указал ему путь к успокоению. Он предложил ему молиться как можно больше ночью и днем, всегда поститься до вечера, никогда не есть ничего вареного, кроме случаев сильной болезни. Тогда он может обрести милость у Бога, получить прощение и сделаться снова верным рабом Христовым. Вера Пахомия ободрила этого монаха: он перестал уже отчаиваться и начал искренно и с надеждою на милость Божию каяться в своем грехе.

Долгое время в Тавеннисийском общежитии подвизались одни копты¹². Наконец слава святого Пахомия дошла и до греков и римлян. И из них некоторые стали стремиться в общежитие под руководство мудрого аввы Пахомия и делались здесь монахами. Святой Пахомий и о них усердно заботился: они были для него дороги не менее коптов.

Некоторым затруднением для Пахомия при обращении с монахами-греками (их было больше, чем римлян) было незнание греческого языка. Равным образом и другие иноки-копты не знали этого языка. Даже на самом близком расстоянии от Александрии¹³ разговорным языком был не греческий, а коптский язык. Даже сравнительно недалеко от Александрии жившие подвижники, как напр. святой Антоний Великий, родившийся около Ираклеополя великого, святой Пимен Великий, всю жизнь проведший в Нижнем Египте, в Ските, Теренуофе и северном Диолке, не говорили по-гречески, а тем более трудно было встретить знающего греческий язык монаха в Фиваиде¹⁴. В деле попечения о греках преподобному Пахомию помогал Феодор, бывший чтец Александрийской церкви. Но и сам святой Пахомий позаботился о том, чтобы научиться греческому языку.

Святой Пахомий учил иноков и словом и примером. Тем сильнее действовало его слово, что иноки видели в нем пример всех добродетелей. Постоянное молитвенное настроение Пахомия, его глубокое смирение, его строгость к себе самому, строгость даже во время болезни, его любовь ко всем, его проникательность и мудрость - все это привлекало сердца братии к нему, заставляло всех без рассуждения подчиняться его слову, принимать его советы.

Смирение Пахомия было чрезвычайно велико, хотя и совершал он необыкновенные подвиги, хотя и воздавали ему величайшую честь и иноки, и миряне, и даже епископы, иногда присылавшие к нему монахов, чтобы он произнес над ними свой суд. Святой Пахомий боялся осуждать других даже в мыслях. Сподобляясь неоднократно видений и откровений от Бога, он говорил о них братьям тогда, когда от своего рассказа ожидал нравственной пользы для братии.

Однажды братия просили его рассказать какое-нибудь из его видений. Замечателен ответ его. Не желая говорить о бывших ему видениях, с целью предостеречь от превозношения тех иноков, которых Господь сподоблял особенных духовных дарований, святой Пахомий сказал: "Тот, кто исполнен грехов, не получит благодати духовных видений. Но если ты желаешь иметь прекрасное и замечательное видение, то я укажу тебе на одно из них: когда ты увидишь человека благочестивого, скромного сердцем, чистого - вот прекраснейшее из видений: ты видишь Бога невидимого в этом видимом человеке. Не спрашивай другого видения, которое было бы предпочтительнее этого".

Смиренный Пахомий ни в чем не хотел иметь преимущества пред братьями. Он называл истинно справедливым того брата, который не давал ему большей, по сравнению с другими, доли кушанья. И трудиться он желал наравне с другими. Он не допускал, чтобы кто-нибудь облегчил его труд.

Однажды великий авва отправляется с братьями на работу. Каждый со своим спутником должен был взять известное количество хлеба. Пахомиев спутник хотел один все нести. Но Пахомий не согласился на это, говоря, что начальник во всем должен нести те же труды, что и братия.

В высшей степени нестяжательный, Пахомий носил очень бедное платье. Оно заменяло ему и покрывало в холодное время. В этом платье он принимал приходивших к нему священников и монахов.

Один брат по имени Афанасий, заведовавший монастырской одеждой, обратился к святому Феодору с просьбой отдать ему в склад платье аввы, когда он снимет его, и положить вместо этого одеяние другое, новое и приличное для начальника.

Феодор послушался Афанасия и заменил одну одежду другою.

Но вот Пахомий ищет свою прежнюю одежду. Феодор указывает на новую, но Пахомий настаивает на том, чтобы ему возвратили его старую одежду. На просьбу старца, троекратно повторенную, Феодор ответил, что теперь нельзя уже найти этой одежды, Феодору, однако, стало очень жалко, что он лишил старца той одежды, которая была для него и покрывалом в холодное время. Он даже плакал об этом. Но и Пахомий не считал себя правым в этом случае. Он долго просил у Господа прощения в том, что, уча других послушанию, он сам не оказал послушания тому, кто в монастыре распоряжается одеждой. Какое великое смирение!

Когда однажды Пахомий заболел, Феодор привел его туда, где больные иноки вкушали пищу. Для него приготовили хорошую похлебку. Он заметил брату, приготовлявшему это кушанье:

- Ты не умеешь готовить кушанья; дай мне немного воды.

Поданную воду Пахомий влил в это блюдо. Тогда же Феодор налил ему воды на руки пред началом еды. Пахомий в свою очередь возлил ему воды на ноги.

После еды зашел между ними разговор. На вопрос Федора: почему он испортил кушанье водой, Пахомий ответил ему:

- Брат, приготовивший мне пищу, готовил ради меня с большим усердием, а такое усердие между людьми не бывает продолжительно. И я сказал себе: я сейчас в этот раз буду есть хорошо, а наступит завтрашний день, я буду болен, я буду еще ожидать, что брат даст мне хорошо поесть, и по этой-то причине сердце мое: будет в смущении. Вот поэтому-то я и испортил поданное мне хорошее кушанье, чтобы в другой раз, если он будет небрежен и не приготовит, по-прежнему хорошо, это было для меня уже безразлично.

Феодор спросил старца, почему он возлил ему воды на ноги. Замечательный ответ дал ему святой Пахомий.

- Я поступил так для того, чтобы, если в другом мире скажут мне: Феодор возливал воду на твои руки, мне быть в праве сказать: я сам умыл ему ноги.

Больной Пахомий не хотел вкусить кушанья с маслом. В другой раз во время болезни он не согласился покрыться лучшим покрывалом вместо рогожи и принять горсть фиников. Какая строгость к себе самому!

С особенною любовью относился Пахомий к больным инокам. Более всего он заботился о спасении души заболевшего брата. Он убеждал больного благодарить Бога, возбуждал в нем благочестивые мысли, предостерегал от пристрастия к земле, от увлечения нечистыми помыслами, внушал ему просить прощения у Бога и бодро смотреть на свое будущее, возлагая упование на Господа. Он всегда заботился и о теле больного брата. Больных в общежитии никогда не принуждали к усиленному посту, хотя и не препятствовали им поститься. Пахомий иногда находил нужным ослабить пост, если видел, что пост очень истощает силы больного и не дает ему поправиться.

Так, один брат был болен во дни четырехдесятницы. Однако он не соглашался ни есть ничего вареного, ни пить вина. Он не хотел позволить себе послабление, если бы ему предстояло даже умереть от чрезмерного воздержания. Мудрый авва Пахомий советовал ему, если он не хочет совсем оставить этот пост, отложить свое пощение до времени полного восстановления сил, когда он будет иметь возможность провести в строгом посте такое число дней, какое должен бы был поститься теперь.

Среди служивших в больнице иноков бывали и такие, которые не хотели исполнять некоторые просьбы больных, казавшиеся им непозволительными для монаха прихотями. Но святой Пахомий смотрел на это иначе. Он готов был доставить больному возможное утешение.

Однажды, напр., сам Пахомий тяжело заболел. В больнице ему предложили съесть немного вареных овощей. В это время в больнице лежал тяжело-больной монах, тело которого представляло кожу да кости: так он исхудал после продолжительной болезни. Когда этот иннок попросил больничных братии дать ему немного говядины, те не соглашались на это. Тогда больной просил отнести его к авве Пахомию. Великий авва был поражен крайним истощением инока и отсутствием благоразумного сострадания в больничных братиях. Он строго сказал им: "Безумные, где страх Божий? Ведь Бог сказал: "Возлюби ближнего как самого себя". Ужели вы не видите, что этот брат почти мертв? Почему вы не дали ему того, чего он у вас просил? Я теперь не могу ни есть ни пить. Ведь есть различие между болезнями, и одна болезнь бывает более жестокою чем другая".

Пахомий не мог удержаться от слез при виде тяжело-больного инока и бессердечной ревности других о строгом соблюдении устава о пище. Теперь иноки поняли свою неправду. Они тотчас послали купить козленка и приготовили из него кушанье, которое подкрепило ослабевшее тело больного брата и ободрило его унылую душу.

Пахомий старался в своих учениках возбуждать упование на Бога. Вот один случай, подтверждающий это.

Как-то вечером прибыли братия, чтобы нагрузить лодку тростником. Феодор боялся, что приготовленного им рагу¹⁵ не достанет для всех. Пахомий понял его мысли и предостерегал его от чрезмерной заботы о пище и малодушного опасения относительно ее, указывая на Божие попечение о человеке. Упование не посрамило Пахомия.

Случился однажды в монастыре недостаток в пшенице. Это очень огорчало и озабочивало иноков. Желая уничтожить их опасения за ближайшее будущее, Пахомий указывал им на два прекрасные ковра, пожертвованные одним добрым человеком: в крайнем случае их можно продать и вырученные деньги расходовать на покупку пшеницы. Целую ночь Пахомий провел в горячей молитве.

На другой день утром постучался в ворота монастыря начальник одного города. Когда привратник отпер ему, он сказал, что дал обет отдать нуждающимся известное количество

хлеба, и что в эту ночь он узнал во сне, что именно братия этого монастыря нуждаются в хлебе; пусть кто-нибудь примет привезенный им хлеб. Когда об этом сообщили самому Пахомию, он очень обрадовался и сказал начальнику города, что они действительно нуждаются в хлебе, но им нужна отсрочка в уплате денег. Добрый христианин сказал: "Я не за деньги привез это, но ради того, что вы люди Божии. Пошли же братии внести это".

Пахомий, искренно благодарный доброму человеку, оказавшему помощь обителю во время крайней нужды, дал ему в благословение монастырского хлеба и овощей. Начальник города с радостью принял это и ушел довольный тем, что оказал помощь рабам Божиим. Братия удивились и обрадовались неожиданному дару монахолюбивого начальника.

Пахомий боялся, как бы иноки не пристрастились к какой бы то ни было красоте на земле. Он боялся даже, чтобы стройность, изящество и красота храма не развлекали монахов. Усердно предостерегал святой Пахомий учеников своих от тщеславия. Он убеждал своих монахов творить подвиги в тайне, ради Бога, а не ради похвалы человеческой. Советовал им по внешности не выделяться из среды братии. Вот несколько случаев, показывающих, как настойчиво он боролся с этим врагом подвижников.

Один инок проводил много ночей в непрерывном молитвенном бодрствовании, услаждаясь надеждою заслужить особенное уважение от людей. Пахомий убеждал его изменить образ жизни, говорил, чтобы он ходил в трапезу, когда призываются туда братия, и вкушал с ними пищу, только не до полного насыщения; чтобы совершал такое количество молитв, какое назначено всем инокам, чтобы по выходе из келии был ко всем любезен и не казался мрачным. Конечно, не следует покидать и своих подвигов, так как и это было бы угождением сатане; но надобно все делать ради Бога, не давая диаволу места в сердце своем. Когда этот инок продолжал действовать по-прежнему, опасаясь, как бы не показаться братиям слабым и жалким, Пахомий опять настойчиво советовал ему ослабить свои подвиги. Много раз он напоминал тщеславному иноку свои прежние наставления и, наконец, сказал ему, что он дойдет до состояния безумия, если будет упорствовать в своем пристрастии к внешним подвигам ради уважения от других, а не ради умерщвления страстей. Но монах делал по-своему, и предсказание Пахомия исполнилось. Тщеславный монах, более и более надмеваясь гордостью по причине своего наружного благочестия, дошел до безумия, до самозабвения. Он готов был даже убить святого Феодора, когда авва послал его отвлечь этого инока от его тщеславной и Богу неугодной молитвы. К счастью, руки его, протянутые с обрубком дерева, онемели, и он только неистово кричал на Феодора, называя его врагом Божиим. Долго он был в таком жалком состоянии. Наконец он исцелился от своего безумия и вместе от прежней упорной гордости.

Святой Пахомий сидел однажды с некоторыми старцами вне келии, беседуя с ними о слове Божиим. В это время один брат пред дверью своей келии приготовлял рогожу. Он работал с особенным старанием и в этот день успел сплести две рогожи. Он ожидал себе похвалы от аввы Пахомия. Видя его душевное состояние, Пахомий сказал своим собеседникам: "Не видите ли вы этого несчастного брата? Он потерял сегодняшний труд, так как возлюбил славу от людей более, чем славу от Бога; он самого себя утомил и душу свою лишил всякого успеха и прибыли".

Пахомий призвал этого инока и строго укорял его за его мысли. Потом, смягчая свое обличение, Пахомий велел ему принести эти две рогожи, когда братия соберутся в церкви, и просить у иноков прощения и молитв. То же он должен был сделать и в трапезе во время обеда. Чтобы еще более уврачевать его душу, Пахомий велел ему безвыходно сидеть в келии, ежедневно готовить по две рогожи вместо одной, есть только хлеб и соль, ни с кем не разговаривать, кроме одного брата, который будет доставлять ему хлеб, и усердно просить у Бога прощения в своем грехе. Это наказание было направлено прямо против главной страсти монаха: он должен был в наказание делать то, что прежде делал по тщеславию. Наказание постоянно напоминало ему допущенный им грех и должно было возбудить в его сердце живейшее раскаяние. Он дорожил похвалою Пахомия: конечно он

не мог не понять, что великий авва не без основания так строго наказал его, обличив прежде пред всеми.

Еще один замечательный случай. Однажды святому Пахомию пришлось зайти в монастырь, где иноки были заражены еретическими воззрениями. Здесь монахи передали Пахомиевым ученикам, что их начальник предлагает Пахомию вместе перейти через реку, чтобы показать, кто из них прав, кто более угоден Богу. Когда ученики сказали об этом Пахомию, он очень опечалился тем, что его монахи выслушали и передают такое поручение. Пахомий сказал им строго: "Еретик может перейти через реку по поверхности воды, как проходят по суше, по попущению Божию и при помощи сатаны, желающего утвердить его в его нечестивом веровании и других склонить к этому верованию. Теперь идите и скажите этим людям: "Служитель Божий Пахомий говорит: мои труды и заботы направлены не к тому, чтобы перейти через реку пешеходом, но к тому, чтобы избежать наказаний Божиих и перейти через ту огненную реку, через которую мы все, люди, должны перейти перед престолом Господа нашего Иисуса Христа. Сверх того Евангелие говорит: "Не искушай Господа Бога твоего".

Святой Пахомий в предложении еретиков видел козни сатаны, желавшего чудесным явлением поколебать в монахах веру и возбудить в них тщеславие. Он убеждал учеников и не склоняться когда-нибудь на что-нибудь подобное и не поддаваться тщеславию.

Когда в каком-нибудь подвижнике проявлялась хотя бы одна добродетель, не испорченная тщеславием, святой Пахомий радовался и этому малому преуспеванию брата и тщательно лелеял его добродетель, видя в ней залог его спасения. Святой Пахомий не желал, чтобы иноки предавались строгим подвигам по принуждению, а не по собственному влечению. Об этом красноречиво свидетельствует следующий случай из жизни киновии.

Однажды, когда святой Пахомий после посещения других монастырей возвращался в ту обитель, где он постоянно жил, братия вышли приветствовать его. При самой встрече один юноша громко заявил ему, что с того дня, как Пахомий их оставил, им не готовили ничего ни из зерен, ни из овощей. Святой Пахомий кротко и приветливо ответил ему:

- Не печалься, сын мой; отныне я займусь вашими делами и позабочусь о вашей пище.

Войдя в монастырь и сотворив в церкви молитву, Пахомий пошел прямо в поварню. Повара плели рогожи, Пахомий спросил главного повара:

- С какого времени ты не готовил похлебки для братии? Оказалось, что уже два месяца, как он ни разу не готовил им похлебки. Пахомий спросил его:

- Почему ты так поступал, когда правила повелевают подавать похлебку братии во все субботы и воскресенья?

Главный повар ответил, что братия из любви к подвигам не едят похлебки, довольствуясь небольшим количеством овощей и масла; прежде похлебка, приготовленная с маслом, выбрасывалась вон; теперь он назначил одного брата доставлять на трапезу маслины, овощи, уксус, а сам он и другие с ним трудятся над изготовлением рогож. За это время было приготовлено в поварне пятьсот рогож.

Пахомия глубоко опечалило самовольное заведовавшее кухнею монаха. Приказав сжечь самовольно приготовленные рогожи, святой Пахомий строго заметил этому иноку, что он своим сверхдолжным усердием оказал пренебрежение к правилам. Притом же и воздержание иноков в этом случае было уже не делом свободного произволения, а следствием необходимости: никто уже не имел возможности проявить свое усердие, все постились по неволе.

- Что касается меня, - говорил святой Пахомий, - я бы предпочел приготовить кушанья разных видов и сварить всякого рода плоды и поставить все это пред братиями, чтобы им, если они будут обуздывать свои желанья и добровольно, ради подвига, отказываться есть это, совершить великое и доброе дело пред Богом. Если на трапезе не подавать разрешенного уставом, то немощные братии не могли бы достаточно подкреплять свои упавшие силы: они могут совершенно ослабеть. Притом между братиями есть много новоначальных, из которых некоторые очень юны и слабы телом: они не могут в иноческих

подвигах сравниться с совершенными. Им было бы особенно тяжело, если бы даже по субботам, воскресеньям и праздникам их лишали варева: они могут предаться унынию от непривычной для них строгости жизни.

Какой правильный взгляд на дело! Какая благоразумная строгость к нарушителям правил, какая забота о сохранении порядка в общежитии, какая любовь к немощным братьям слышится в этом выговоре повару, нарушившему правила о пище по чрезмерной ревности о воздержании!

Святой Пахомий всегда имел в виду, что чрезвычайная строгость может привести некоторых подвижников в отчаяние. К инокам новоначальным, неопытным, он относился с особенною предупредительностью и нежностью, видя в них "молодые растения", требующие ухода и поддержки. Пахомий порицал своего любимого ученика Феодора за его суровость к его брату Пафнутию. Только любовь и мудрость Пахомия удержали Пафнутия в монастыре. Вот случай подобной предусмотрительности и любви в отношении к монаху чужого монастыря.

Невдалеке от Тавенниси был небольшой монастырь, не принадлежавший к общежитию. Начальник этого монастыря часто приходил к святому Пахомию слушать его мудрые наставления, чтобы потом передавать их своим монахам. Один иннок этого монастыря усиленно домогался должности, которой не был достоин. Начальник однажды ответил на его просьбы, что Пахомий советовал не давать ему этой должности, потому что он недостоин ее, хотя Пахомий не говорил этого. Самолюбивый монах почти насильно повлек своего авву к святому Пахомию для объяснений. Бледный, в глубокой задумчивости следовал начальник за своим монахом, смущенный его необузданным гневом.

Они застали Пахомия строившим монастырскую ограду. Вне себя от гнева, монах кричал Пахомию:

- Сойди, чтобы доказать мой грех, Пахомий - лжец!

В высшей степени кроткий и терпеливый, Пахомий ничего не ответил грубому монаху. Однако монах продолжал свою брань. Пахомий понял его душевное состояние и спокойно отвечал:

- Прости меня, я согрешил; а ты никогда не согрешал?

Гнев монаха утих. Затем Пахомий отвел в сторону начальника монастыря и разузнал от него, в чем дело. Авва дал ему такой совет:

- Послушайся меня и исполни его просьбу, чтобы душу его вырвать из рук врага.

Начальник монастыря последовал этому совету. И он и его монах были утешены и успокоены Пахомием.

Через несколько дней этот монах раскаялся в своей грубости относительно Пахомия и пошел к нему просить прощения. Он признался, что Пахомий выше, чем говорят о нем, и поведал ему следующее: "Бог знает, что если бы ты не был великодушен ко мне и сказал бы мне одно грубое слово, то я, грешный, оставил бы монашество и снова сделался бы мирянином. Будь же благословен, человек Божий, потому что Господь оживил меня через твое великодушие".

Святой Пахомий часто напоминал монахам о той ревности, какую они должны иметь. Каждым случаем он пользовался, чтобы возбудить в них усердие к подвигам, к плачу о грехах, к духовному преуспеянию.

Проходя однажды со своим учеником Феодором вблизи гробниц, Пахомий увидел, что здесь несколько женщин безутешно плакали. Он сказал Феодору:

- Не видишь ли ты этих женщин, проливающих слезы о мертвых, которых они не могут воскресить? Тем более мы, которых называют монахами, не должны ли плакать о наших душах, которые умерли по причине греха, и которые воскресит Христос по Своему человеколюбию! Во всяком случае слезы похвальны, если они проливаются с добрым намерением.

Преподобный Пахомий и его монахи радовались не только о своем спасении и благополучии, но и о спасении ближних и об истинном их благополучии. Неправильные

учения смущают верующих, производят волнения и разделения в Церкви: святой Пахомий скорбит об этом. Торжествуют православные, ослабеваает ересь: какая радость наполняет сердца тавенниситов с преподобным Пахомием во главе! Голод или какое-нибудь другое общественное бедствие постигает страну: общая скорбь Египта доходит вскоре до тавеннисийского начальника, и здесь чужое горе вызывает живейшее сострадание.

Так, однажды преподобному Пахомию сказали, что в Египте большой голод, к которому присоединилась еще неразлучная почти спутница голода - моровая язва. Шел уже второй день, как Пахомий оставался без пищи. Но он так живо почувствовал страдания многих от голода, что до другого дня совсем не прикасался к пище и говорил с величайшим сочувствием к страждущим: "Я не могу есть, когда мои сочлены голодны и не имеют хлеба".

И во все время, когда голод продолжался в Египте, Пахомий был в великой скорби, предавался самому строгому посту и молился о прекращении народного бедствия.

Глубоко сочувствовавший всем людям и особенно инокам, святой Пахомий за всех усердно молился. Он молился, чтобы Господь помогал инокам исполнять их высокие обеты и сделаться каждому из них чистым храмом Святого Духа. Молясь за других людей, он прежде всего молился за тех, кто творит добро, чтобы Господь изгладил из их сердца всякое попечение о земном, кроме того, что необходимо для жизни. Молился великий авва и за тех, кто поработен еще греху или омрачен Ересью, чтобы Господь дал им покаяние. Молился он за царей и за всех правителей, чтобы они жили в любви у Бога и у всех людей, чтобы творили суд обидимым, чтобы не пристращались к тленной славе, чтобы походили на тех царей, которые творили волю Божию и были угодны Богу, каков был, например, царь Давид. Молился Пахомий и за пастырей, чтобы Господь помог им быть верными преемниками апостолов, ходить по всем заповедям Господним непорочно, украшаться истинным ведением, твердою, апостольскою верою, чистотою и благочестием.

Святой Пахомий, молившийся о благополучии мира, всем подавал помощь, когда это было возможно. Много людей обратилось доброй жизни под влиянием его святой жизни и его кроткого вместо твердого слова. Много иноков спаслось под его ближайшим руководством. Мало этого. Святой Пахомий, при Божиим содействии, оказывал людям чудесную помощь в их телесных недугах.

Некий пресвитер Дионисий привел к вратам обители кровоточивую женщину, которая ни от кого не получала помощи и получила теперь совершенное исцеление чрез прикосновение к краю одежды святого Пахомия. Преподобный Пахомий исцелил, чрез помазание елеем, приведенную одним человеком дочь его, причем сказал отцу ее, что она не живет в девственной чистоте и заповедал ей чрез отца быть целомудренною. Другой человек привел к святому Пахомию своего сына, одержимого духом нечистым. Юноша был исцелен. И еще одного бесноватого вскоре исцелил великий Авва. Был еще подобный же случай исцеления.

Святой Пахомий однажды молился за человека, одержимого нечистым духом, но ему был глас свыше, чтобы он прекратил свою молитву за него, так как это несчастье постигло его для его же душевной пользы.

В монастыре Певоу был болен один брат. Уже три дня он боролся с болезнью. Явившись к Пахомию, он со слезами просил молитв о своем исцелении, указывая на то, что многие миряне получают исцеление. Пахомий возразил ему на это: "Вера мирян дает исцеление их телу, а через исцеление, которое Бог дает им, они располагаются делать добро. Что же касается до нас, служителей Христовых, наша вера есть нетленное упокоение, которое Бог дает нам в другом мире; без болезни, без скорби мы вели бы себя против заповеди".

Это наставление Пахомия утешило больного инока.

Спустя некоторое время, когда болезнь его все продолжалась, он в сопровождении братии пришел к Пахомию. Все стали просить молитв великого аввы об исцелении этого брата. Пахомий начал молиться, но тотчас же услышал глас: "Не молись за этого брата, потому что Господь послал ему эту болезнь, чтобы спасти его от козней диавола".

Все братья тогда восхвалили Господа, Который печется о Своих рабах и устраивает их спасение.

Хотя рукою Пахомия Господь совершал много исцелений, но великий авва всегда считал высшим и более необходимым исцеление души от служения идолам, от лжи, от блуда и нечистоты всякого рода, вообще от всякого греха. И подавая исцеление телу, он всегда стремился устроить вместе и душу человека.

Велики были плоды деятельности святого Пахомия. Иноки под его руководством достигают высокого совершенства. Даже ленивые и закоснелые в пороках исправляются и стараются достигнуть высшей степени совершенства. Среди великих подвижников трудно было чем-нибудь особенным выделиться. Потому-то так мало имен этих иноков дошло до нас. Вот некоторые выдающиеся подвижники.

Пример трудолюбия, терпения, отрешения от тела мы видим в садовнике Ионе. Восемьдесят пять лет он провел в монашеских трудах. Все деревья в саду были им посажены, но он никогда не вкушал их плодов. Эти плоды доставляли подкрепление и утешение приходившим к Ионе инокам. Платье его было самое нищенское, нечто вроде кожаного покрывала, едва прикрывавшего тело. Одежду из грубой шерсти он надевал только перед принятием Святых Таин, а потом немедленно снимал; этой одежды достало ему на всю жизнь. Он никогда не ел ни одного кушанья, приготовленного на огне. Свою обычную пищу, состоявшую из хлеба и уксуса, он принимал только вечером, и то - не до полного насыщения. Он совсем не думал о телесном покое, и даже во время болезни, даже тогда, когда он был близок к смерти, его не могли убедить отправиться в больницу: он считал себя недостойным пользоваться услугами других. Целый день работая в саду под палящими лучами солнца, Иона только к вечеру прекращал этот нелегкий труд. Когда наступала ночь, он уходил в свою келию, садился посреди на своем стуле и до полуночи вил веревки, устами и сердцем прославляя Бога. Потом только на короткое время он засыпал, оставаясь на своем стуле, причем веревок не выпускал из рук. Бодрый духом, авва Иона скоро вставал, чтобы отжаться молитве и потом приняться за работу в саду. Ночью во время молитвы и рукоделия он никогда не зажигал светильника. Он совершил еще много других дел, достойных удивления. Он умер сидя на своем стуле: веревки оставались в его руках. Желая похоронить его, братья не могли соединить его ног, не могли пригнуть руки к телу, не могли также снять с него обычную его кожаную одежду, чтобы надеть на него чистое платье из шерсти. Его похоронили в том виде, как он умер, облекши только в шерстяной саван. В Пахомиевом общежитии был один инок, пораженный проказою, по имени Афинодор. Этот инок - редкий пример терпения, благодушия и трудолюбия при постоянной, жестокой болезни. Живя вдали от других, как прокаженный, Афинодор питался только хлебом и солью, да и то через два дня к вечеру. Подобно всем монахам общежития он ежедневно плел по рогоже, хотя руки его, поврежденные проказою, от работы обгажились кровью. Днем он никогда не позволял себе лечь отдохнуть. Понемногу он выучивал на память отделы священного Писания. Перед отходом ко сну он долго молился, а в полночь шел на общую братскую молитву. Но всего удивительнее было в нем терпеливое перенесение болезни. Святой Пахомий нередко посылал его в различные монастыри, уверенный в том, что один вид этого инока пробудит благочестивую ревность во многих. Как-то к нему в келию вошел один добрый инок. Он был очень растроган терпением и болезненным видом аввы Афинодора. С братскою любовью этот инок убеждал его перестать трудиться над плетением рогож, так как это причиняет его рукам страшную боль. Инок говорил, что каждый из них с радостью будет трудиться за него и что это несколько не будет отягощать их. Они и так ради Господа служат больным и странникам. Но терпеливый Афинодор, проникнутый сознанием важности труда для каждого человека и особенно для монаха, решительно сказал своему благожелателю, что для него невозможно перестать работать. Сердобольный брат советовал ему хотя растирать руки маслом, чтобы они несколько смягчились и перестали трескаться. Афинодор последовал этому совету. Но руки его от масла сделались нежнее; он во время работы чувствовал уже

еще большую боль. Пахомий заметил, что этот брат прибегает к помощи масла. Авва с братским укором заметил Афинодору, что он должен не возлагать надежды на масло, а всецело отдать себя на волю Божию, так как не без промысла Божия, не без пользы для него и для других эта болезнь постигла его. Афинодор признал себя виновным и просил у Пахомия прощения. Он целый год потом оплакивал этот грех. Так строги были к себе иноки Пахомиева общежития. Святой Пахомий знал, к кому можно быть строгим и кому следует оказывать снисхождение.

Однажды являются к Пахомию двое юношей. Они оба желали сделаться монахами. Один из них, Сильван, юноша шестнадцати или семнадцати лет, доселе жил в плотской нечистоте. Пахомий принял их с такими мыслями: "Я сделаю их монахами, и если юноша, проводивший дурную жизнь, принес покаяние, я буду хранить его; если же он не раскаялся, я изгоню его".

Авва Пахомий наедине говорил с Сильваном, и юноша откровенно рассказал о своих прежних грехах. Он обещал сделаться другим человеком и более не грешить. Но прошло немного времени и Сильван предался прежним грехам. Авва Пахомий намерен был уже изгнать его, чтобы пример его не развратил кого-нибудь в монастыре. Авва призвал к себе одного благочестивого инока и поручил ему отправиться с Сильваном и еще с пятью иноками в указанный им монастырь и ожидать его там.

На другой день он предполагал здесь объявить Сильвану свое решение об изгнании его из общежития. Но благодать Божия именно накануне этого дня, ночью, коснулась сердца юноши, он твердо решил переменить свой образ жизни и исправить свое сердце. Еще ночью он встал с постели, нашел благоговейного брата, который сопровождал его в этот монастырь: сел подле него и стал горько плакать. На вопрос брата о причине этих слез Сильван ответил ему: "Я плачу, потому что я не пребываю в страхе Божиим; если бы я боялся Господа, я соблюдал бы слова аввы нашего Пахомия, человека Божия".

Добрый инок старался утешить его. Он дал юноше такой совет: "До этого дня ты пребывал без страха Божия, но теперь предай душу свою всему тому, что он тебе приказал, и ты приобретешь страх Божий, если соблюдешь это".

Утром пришел в этот монастырь святой Пахомий с двумя монахами. Он тайно призвал к себе Сильвана и беседовал с ним с утра до седьмого часа дня. В этой беседе он раскрыл юноше его душевное состояние, указал ему его великую виновность и объявил, что более держать его в монастыре не может. Страшно поразили юношу слова великого аввы. Он уже думал о самоисправлении, об очищении сердца, о духовном возрождении, а теперь слышит, что его сейчас изгонят из среды монахов, которых он любил и уважал вполне искренно. С горькими слезами Сильван упал к ногам Пахомия. Умоляя старца о пощаде, он говорил: "На этот раз я принесу покаяние и буду исполнять все то, что ты прикажешь мне, не ради тебя одного, но ради Бога, Который обитает в тебе и Который открыл тебе мою нечистоту".

Он просил старца не изгонять его из монастыря, если он не нарушит более своего обещания. Искренность покаяния Сильвана была очевидна. Пахомий на короткое время ушел от него в уединенное место и молился о нем, чтобы Господь дал ему твердость в исполнении его обещания. Потом он призвал к себе благочестивого инока Санамона и поручил ему заботиться о Сильване, причем рассказал ему о поведении этого юноши, прося молчать об этом. Пахомий предупредил этого инока, что ему предстоит много трудов при исправлении Сильвана, и только тогда вручил ему юношу, когда добрый подвижник изъявил согласие тщательно заботиться о его духовном перерождении. Потом Пахомий призвал Сильвана и дал ему наставление, убеждая всегда быть с этим старцем, подражать его жизни, никуда от него не отлучаться и ничего не делать без позволения Сильван обещал исполнить заповедь Пахомия. Начальнику этого монастыря Пахомий сказал, чтобы он ни в каком случае не разлучал этих двух иноков; но не открыл ничего о прежнем поведении Сильвана. Пламенея теперь любовью к Богу, Сильван просил себе помощи свыше и обещал полную готовность терпеть всякую скорбь и обиду, как нечто заслуженное, обещал, что будет бодрствовать неусыпно над своим сердцем; Сильван исполнил свой обет. Он все

усиливает свои подвиги. Он ест только один раз в день и пьет воду не до полного утоления жажды. Он усердно молится и даже большую часть ночи проводит в молитве, а когда его уже одолевает сон, он садится на своей рогоже, не позволяя себе опереться о стену. Все это он делает без всякого тщеславия, с величайшею скромностью имея в виду лишь очищение сердца своего, подавление порочных стремлений и приобретение совершеннейшей любви к Богу. Его скромность простирается до того, что он выбирает себе в пищу худшие овощи и старается получить худший тростник для плетения рогож и корзин, считая себя худшим из всех монахов.

В непродолжительное время Сильван достиг совершенной чистоты духа. Сам Пахомий радовался, видя духовное преуспевание юного подвижника, принесшего плоды покаяния.

Однажды братия того монастыря, где жил Сильван, собирали тростник. Пахомий на этот раз был с ними, назидая их словом Божиим. Наконец он сказал инокам:

- Я желаю сообщить вам о том чуде, которое Господь сотворил между вами. Есть среди вас один, который обратился и сделался новым человеком посредством второго рождения, так что он стал совершенным по чистоте сердца.

Пахомий указал и на то, что при высокой степени духовной чистоты этот брат совершенно чужд гордости, и что нет ни одного из братии, который бы походил на него по чистоте и возвышенности души. Иноки удивились, узнав, что Пахомий говорил им о Сильване. Все братия теперь стали выражать Сильвану величайшее уважение. Один за другим они стремились к нему, чтобы услышать от него слово назидания. Они называли его теперь не иначе, как авва Сильван. Но скромный инок с великою кротостью говорил им: "Правда ли, что я ваш авва?"

Он трудился с величайшим напряжением сил, чтобы стать на такую высоту. После этого он не долго жил. Он умер в мире с Богом и совестью.

Святому Пахомию Господь открывал и будущие судьбы иночества. Однажды многие братия с Пахомием отправились резать тростник. Некоторые из иноков провожали их. Между ними был и любимый ученик Пахомия, святой Феодор. Когда уже нужно было отчалить от берега, Пахомий сказал Феодору: "Поспешి войти в лодку".

Феодор, не спрашивая о причине, тотчас исполнил приказание старца, вошел в лодку и даже не подумал о том, чтобы взять с собою книгу, какую читал он в те дни ради назидания. Он рад был, что старец дал ему возможность проявить послушание, которое и не спрашивает, куда и зачем ведут, подобно Аврааму, вышедшему из своей земли по повелению Божию, хотя он и не знал, куда он идет. Когда уже нагрузили лодку тростником, Пахомий увидел нечто очень страшное. Ему представилось, что некоторые из иноков находятся в пасти львов, иные в пасти крокодилов, другие среди огня, а некоторые под горою, на которую напирают волны, - они стараются взойти на гору, но все их усилия оказываются тщетными. Они все восклицали: "Господи, помоги нам!"

Увидев иноков в таком затруднении, Пахомий бросил на землю тростник, который нес на плечах, простер руки к небу и начал очень громко молиться, прося у Господа помощи для этих несчастных. Видя это, все иноки также бросили ношу и начали молиться. Эта напряженная молитва множества иноков продолжалась до вечера. Пахомию было открыто, что это видение относится к тому времени, когда его уже не будет в живых. Вечером за трапезой Пахомий ничего не ел. Святой Феодор, посланный во время сбора тростника с одним иноком по какому-то делу, ничего не знал о случившемся. Потом ему сообщили о видении Пахомия. Узнав, что старец ничего не ел, Феодор размочил хлеб, приготовил и еще какое-то кушанье и чрез одного брата передал Пахомию, что желает его видеть. Услышав, что Феодор его зовет, Пахомий немедленно пошел к нему. Думая о судьбе многих иноков, старец все еще продолжал плакать. И Феодору он сказал, что и он должен плакать пред Господом. Один брат в это время заметил, что Феодор еще ничего не ел. Пахомий ответил ему: "Что общего у вас с ним? Пусть он не ест и плачет".

Сам старец, чтобы еще больше не огорчить своего любимого ученика, ел предложенную Феодором пищу, хотя печаль еще была очень сильна в его сердце.

В последние годы своей жизни святой Пахомий имел еще другое видение относительно судьбы иночества. Однажды, затворившись в своей келии, Пахомий молился с одиннадцатого часа (по нашему: с пятого часа вечера) до полуночи. Вдруг яркий свет осыпал его комнату. Он слышит голос: "Поколение, которое будет следовать за тобою, будет проводить такую жизнь, которая будет угодна Богу, как в эти дни".

Потом ему было открыто, как широко распространятся монастыри. Но вот в восхищении он видит какой-то очень глубокий, крутой и мрачный ров. В этом рву ходили в бесчисленном количестве иноки, не различая один другого и наталкиваясь друг на друга. Некоторые делали страшные усилия, чтобы выйти из этого рва. Одни из них успевали достигнуть до половины глубины, но потом стремглав падали. Многие жалостно взывали о сострадании. Некоторым удавалось наконец достигнуть до самой верхней точки этой бездны - до самого отверстия, откуда свет освещал для Пахомия этот страшный мрак; великую хвалу воздавали они тогда Богу. Придя в себя, Пахомий понял, что в этом видении ему открыто будущее состояние душ иноков, которые худо ведут себя - по своей ли небрежности или по вине худых руководителей. Пахомий с великою скорбью взывал к Богу, прося Его милости к монастырям и монахам. Он почти отчаивался за них. В ответ на свои вопли к Богу он услышал голос: "Пахомий, не забывай, что ты человек: все зависит от Моего милосердия".

Простершись на земле, Пахомий молил Бога о милосердии к нему. Тогда он был утешен явлением самого Христа Спасителя в виде человека молодых лет, неизреченной красоты, с терновым венцом на главе. Христос открыл ему, что его ученики будут взирать на него как на светильник, от которого им и можно заимствовать свет для себя. Их поведение будет согласно с правилами. Их внутреннее настроение будет доброе. Им будут подражать последующие иноки. Но настанет время, когда вера ослабеет и пороки усилятся. Нерадение и пристрастие к чувственным благам будут отличать иноков того времени. Духовный мрак усилится. Они будут бороться друг с другом за обладание мирскими благами. Истинных подвижников будет очень мало. Они не будут иметь руководителей. Сами себя они должны будут возбуждать к деланию добра, к удалению от зла. Конечно, их подвиги будут иметь мало цены по сравнению с подвигами первых монахов. Однако они получают награду наравне с первыми, потому что им придется немало страдать от тяжелых для иноков условий современной им жизни. Пахомий был очень рад, когда ему было открыто все это. Много дней он оставался без пищи. На другой день, когда братия собирались на молитву, авва пошел вместе с ними в церковь. Здесь, после молитвы, он предложил трогательную беседу собравшимся инокам.

Настоящая жизнь, говорил он, быстро проходит, и смерть приближается к нам. Смерть может внезапно постигнуть нас, когда мы совсем еще не готовы. Человек поэтому всегда должен усердно исполнять заповеди Божии, не оставляя без внимания ни одной. Мысль о блаженстве праведных и о мучениях грешных всегда должна быть с нами. При виде могил наших братии мы не можем не думать о тленности человека, о том, что настоящая жизнь не заключает в себе чего-нибудь такого, чем можно было бы гордиться, к чему можно было бы иметь пристрастие. Святой Пахомий настойчиво предупреждает иноков, что именно они, отрекшиеся от мира, будут более всех жалки, если будут поступать вопреки своему долгу, если будут вместо Бога служить диаволу и греху. Великий авва приглашает своих учеников усердно трудиться для своего спасения, делать все возможное и всегда возлагать упование на Бога.

Сильно ослабев от подвигов, преподобный Пахомий вскоре после праздника Пасхи подвергся тяжкой болезни, от которой уже много иноков умерло. Когда к кому-либо приступала эта болезнь, он начинал чувствовать сильнейший жар, глаза делались красными, изменялся цвет лица, появлялось какое-то удушье. Во всех монастырях один за другим умирали иноки, а еще более было больных. Когда заболел Пахомий, Феодор с сыновнею любовью служил ему. Болезнь великого аввы длилась много дней. Он постепенно ослабевал. Жар был необычайный. Старец по три дня совсем не принимал пищи

и даже воды. Однако он продолжал вести беседы с братьями. Дней сорок Пахомий пролежал в больнице. О нем заботились наравне со всеми больными. Он так ослабел, что его страшно тяготило толстое покрывало. Он просил Феодора покрыть его более легким одеялом. Феодор немедленно принес легкое и притом новое одеяло и покрыл им старца. Пахомий заметил, что для него сделано предпочтение, и нашел это несправедливым. Старец боялся, что это может кого-нибудь ввести в соблазн. Тогда Феодор снял с него это покрывало и одел его другим, наравне со всеми больными.

Преподав инокам и особенно их начальникам много полезных наставлений, святой Пахомий скончался в четырнадцатый день месяца Пашонс¹⁶, вероятнее всего - в 348 г., 53 лет от роду.

Рука Феодора закрыла глаза великого Пахомия. Братия бросились к святым останкам, со слезами лобызали уста и святое тело аввы Пахомия. Они читали молитвы об упокоении его и весь этот день и целую ночь. Утром была принесена за него бескровная жертва. Затем братия с пением отнесли тело Пахомия к горе и похоронили по обычаю. Это было в пятнадцатый день месяца Пашонс.

Возвратившись в монастырь, братия с великою скорбно говорили друг другу:
- Поистине, мы сегодня осиротели.

Тропарь, глас 8:

Слез твоих теченьми пустыни бесплодное возделал еси, и иже из глубины въздыханьми во сто трудов у плодоносил еси, и был еси светильник вселенней, сияя чудесы, Пахомие отче наш. Моли Христа Бога, спасиися душам нашим.

Кондак, глас 2:

Светильник светел показался еси в концех, пустыню же грады сотворил еси множества монашескими: сам себе распен, крест твой на рамо взем, и воздержанием тело изнурил еси, моля непрестанно о всех нас.

1 Метафраст и потом св. Димитрий Ростовский думали, что это - Оксириих, славившийся благочестием своих жителей, заключавший в своих пределах, по свидетельству Руфина, до десяти тысяч девственников и до двадцати тысяч девственниц. Но рассказ новооткрытых документов прямо указывает имя этого города - Эсне. 2 Ок. 295 г.

3 Город на правом берегу Нила, против Ермополя, построенный императором Адрианом в честь своего любимца Антиноя.

4 Маркион, еретик II в., учил, что в мире существуют два самостоятельных начала: доброе - благой Бог, и злое - материя, находящаяся под владычеством дьявола.

5 О существовании особенных иноческих одежд в первое время иночества мы знаем уже из изречений святого Антония Великого. См. книгу архимандрита Палладия "Новооткрытые изречения преподобного Антония Великого. Но коптскому сборнику сказаний о преподобном" (Казань, 1898 г), стр. 30.

6 Теперь селения Тавенниси совсем не существует.

7 Араб. "житие" называет его именем - Амриарагабул. Другая переделка этого имени - Иеракаполлон.

8 Разумеется гидравлическая машина, к которой привязывают животное, чтобы заставить его вращать колесо, поднимающее воду.

9 Киновиями (от греч. *κοινος*; - общий и *bios* - жизнь) - называются общежительные монастыри, в которых братия содержится на счет монастыря и взамен того предлагают свой труд на общую пользу монастыря.

10 Пост, греческ. *νηστεία*, - означает совершенное невкушение пищи.

11 Монастырь Певоу находился немного к северу от Тавенниси, на восточном берегу Нила, в области Диоспольской.

12 Копты - египтяне (христиане).

13 Александрия - знаменитый по своей образованности, политическому значению и торговле город, основанный греческим императором Александром Великим в Египте ок. 333 г. до Р. Х.

14 Фиваида - область в верхнем Египте.

15 Род растительной пищи.

16 Месяц Пашонс соответствует нашему маю, начинаясь 26 числом апреля. Поэтому 14 Пашонс - 9 мая.

Память преподобного отца нашего Евфросина, Псковского чудотворца

Святой мученик Елеазар¹ происходил из великого острова России, между севером и западом находящегося в уделе Иафета, из северной страны, из окрестностей богохранимого великого города Пскова². Он родился и получил воспитание в селе Виделебьи³, находящемся на расстоянии тридцати поприщ⁴ от города Пскова. Кто были по плоти его родители, неизвестно, известно только одно то, что он родился духовным рождением, и отцом он имел Бога, Который и родил его водою и Духом, а матерью его была православная отеческая Церковь, почему он и воспитан был в правой вере и наставлении. По достижении возраста родители отдали его в научение божественным книгам, и он вскоре настолько ясно уразумел божественные писания, что мог не только словесно изъяснить их, но и составлять собственные поучительные сочинения. При этом он изучил и философские науки, так что даже старики удивлялись его мудрости и с похвалою

отзывались о нем. Никогда он не обнаруживал склонности ни к играм, ни зрелищам, но больше всего любил чтение божественных писаний и церковные песнопения, причем с юных лет стал предаваться строгому воздержанию, отказавшись совсем от употребления в пищу сладкого. Увидя такое воздержание отрока, родители говорили ему:

- Сын наш! Зачем ты изнуряешь тело свое таким суровым образом жизни и этим причиняешь нам великую скорбь?

- Родители мои, - отвечал на это отрок, - в Писании сказано, что пища и питье не приближают нас к Богу (1Кор.8:8), а только пост, молитва, чистота телесная и воздержание - вот что приближает нас к Богу.

После сего родители Елеазара пожелали сочетать его законным браком, но рассудительный отрок убежал от родителей своих, как серна от тенет⁵. Родители долго повсюду со слезами разыскивали его и нигде не могли найти, но благодать Божия хранила его. Вскоре отец его скончался, и мать осталась вдовою. Тогда милостивый Бог, хотящий всем людям спастись и в разум истины прийти, вложил в сердце его благою мыслью о том, как бы ему устроить свое спасение и удалиться от мира. Эту мысль он немедленно же и исполнил. Отправившись в монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, что на Снежной горе, - так называлась местность на берегу реки Великой в расстоянии трех поприщ от города Пскова, - он от игумена этого монастыря принял иноческое пострижение, причем навсегда отказался от помыслов, влекущих к миру и всецело отдался обетам иноческого звания. При пострижении ему дано было имя Евфросина.

Приняв иночество, преподобный Евфросин стал ревностно подвигаться в посте, бодрствовании, молитве и всеобщих молитвенных стояниях и в то же время неленостно служил братии и в поварне, и в пекарне, и на всех других монастырских работах, как это было принято в монастыре, чем приобрел расположение к себе всех живших в обители инок. Вскоре слово о преподобном, вследствие такой добродетельной жизни его, стало распространяться повсюду. С огорчением узнал он об этом, так как отвращался от славы людской и считал ее грехом и посрамлением для себя, а потому стал помышлять о том,

чтобы избежать этой славы и, избрав для этого пустынную и безмолвную жизнь, подвизаться только для Бога. О таком своем намерении он сообщил духовному отцу своему, и последний, видя, что он процветает в добродетелях, благословил его и сказал ему: "Иди с миром, сын мой! Господь да будет с тобою; да вразумит Он тебя и наставит на ту благую деятельность к которой призвал тебя".

После сего блаженный Евфросин, приняв благословение от своего духовного отца, вышел из обители Пречистой и стал обходить многие места, ища такого, где бы ему можно было в уединении предаться безмолвному житию. По особому усмотрению Божию он услышал отом месте на берегу реки Толвы, которое находится на расстоянии двадцати пяти поприщ от города Пскова и на котором по благодати Христовой стоит ныне монастырь⁶. Владельцы этого места чрез некоторых благочестивых людей стали приглашать его и не по своей воле, а больше по воле Господа, Которому угодно было, чтобы и здесь прославилось святое имя Его. На этом месте и поселился преподобный на безмолвное, уединенное житие, как сказал божественный пророк: **"далеко удалился бы я и оставался бы в пустыне. Поспешил бы укрыться от вихря, от бури"** (Пс.54:8-9). Он поставил себе здесь шалаш и с усердием стал предаваться иноческим подвигам, отражая козни невидимого врага постом, бодрствованием, молитвою, всенощным стоянием и земными поклонами. Однажды во время летнего зноя, когда преподобный вышел из шалаша, и лег на землю, чтобы немного отдохнуть от своих подвигов, то тотчас же впал в летний сон, и в это время явились ему вселенские учителя, Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, и указали место для построения храма во имя их в той местности, где он подвизался. Когда затем он пробудился от сна, то никого уже не увидел, и такое необыкновенное видение привело его в недоумение.

После сего прошло много времени, и мать преподобного проведала от некоторых людей о месте его пребывания. Взяв с собою все необходимое для путешествия, она пришла к тому месту на берегу реки Толвы, где жил преподобный. Подошедши к его шалашу, она стала просить его, говоря:

- Дорогое чадо мое! Утешь старость матери твоей, покажи мне ангельское лицо твое, не дай мне со скорбью сойти в могилу, где почивают и отцы наши.

Чрез щель святой Евфросин увидел мать свою и, узнав ее, сказал ей:

- Не скорби, мать моя, уйди отсюда и не утруждай старости твоей. Если ты желаешь увидеть меня здесь, то не увидишь уже в той жизни. Иди же в монастырь и, подвизаясь, спаси душу твою.

Так и не достигла мать преподобного исполнения своего желания. Со скорбью она ушла от него, поступила в один из монастырей и, проводя дни свои в благочестивых подвигах, оставалась в нем до самой кончины своей. Преподобный же Евфросин, доблестно и славно проведши жизнь свою, преставился ко Господу⁷.

1 Такое имя носил в мире Евфросин.

2 Описание местности, из которой происходит преподобный, изложено так витиевато, что трудно доискаться смысла в словах. Местность эта названа островом вероятно потому, что на севере ее находится Финский залив и Ладожское озеро, соединяемые рекою Невою, на востоке протекает река Волхов, соединяющая Ладожское озеро и озеро Ильмень, а на западе находится Чудское озеро, соединяемое с Финским заливом рекою Наровою, и далее на юге - продолжение Чудского озера, озеро Псковское. Последнее сближается на юге с озером Ильменем реками Великою и Шелонью. На севере этой местности жили инородческие племена воль и ижора, а на западе - чудь, ливь и литовцы, а сама она была населена славянскими, которые и наименованы, надо думать "уделом Иафета".

3 Виделебье - село в Псковском уезде. Оно было местом рождения и преподобного Никандра Псковского, память которого празднуется 21 сентября.

4 Поприще - мера расстояния в 690 сажений.

5 Тенетами называется сеть для ловли птиц и зверей.

6 Разумеется Спасо-Великопустынский Елеазаров монастырь в Псковской губернии на реке Толве в 30 верстах от Пскова.

7 Преподобный Евфросин скончался 15 мая 1481 г. 95 лет от роду Мощи его сперва почивали в основанном им Спасо-Великопустынском Елеазаровом монастыре. Впоследствии этот монастырь был перенесен на гору,

в нем была построена новая соборная каменная церковь во имя Трех Святителей и в нее были перенесены мощи преподобного, почивающие ныне под спудом близ стены за первым клиросом.

В тот же день память во святых отца нашего Исаии епископа Ростовского, преставившегося в 1090 г.

В тот же день убиение святого благоверного царевича Димитрия, Московского и всея России чудотворца, в 1591 г.

В тот же день память преподобного Исаии Печерского чудотворца, скончавшегося в 1115 г.

Исаия, епископ Ростовский

Святитель Исаия родился недалеко от Киева в семье благочестивых родителей и был воспитан в православной вере. В юные годы он оставил суетность мира и пришел в Киево-Печерский монастырь, где был пострижен преподобным Феодосием в монашество. Испытывая горячую любовь к Спасителю, молодой инок жил в строгих и суровых подвигах поста и молитвы. При этом он был кроток, смиренен, послушлив, нестяжателен, братолюбив, воздержанием и терпением умерщвлял плотские страсти. И благодаря добродетелям мудрости, духовного мужества и целомудрия, помня слова древнего старца: «Крепость в человеке зависит не от природы человека, которая подвержена переменам, но от решительного намерения, укрепленного помощью Божией», он постоянно духом возносился к горнему Иерусалиму.

Слава о подвигах юного Исаии скоро распространилась за пределы обители. И когда скончался Варлаам, первый игумен монастыря, построенного на княжеском дворе во имя св. великомученика Димитрия, то киевский великий князь Изяслав Ярославич просил себе, как великий дар, у блаженного Феодосия Исаию в настоятели обители. И в 1065 году, по благословию преподобного Феодосия, святой Исаия был возведен в игумены. Блаженный, приняв этот высокий сан, был благоискусным для братии наставником и добрым пастырем словесного стада. Став игуменом, он помышляя всегда о Господе, продолжал пребывать в смирении, молитвенном и телесном труде. Видя у себя в монастыре такого святого мужа, князь Изяслав радовался духом и благодарил Господа и преподобного Феодосия, благословившего Исаию на игуменство в монастыре св. Димитрия. Преподобный Исаия, как преуспевший в благочестии и исполненный Божественной благодати, принимал участие в 1078 году в соборной молитве Печерских старцев о прельщенном бесом подвижнике Никите (впоследствии епископе Новгородском). Но для великого светильника после подвига настоятельства в обители, и после десятилетнего игуменства предстояло апостольское служение. В том же 1078 году после смерти святителя Леонтия, епископа Ростовского, святой Исаия был возведен на Ростовскую епископскую кафедру. В то время Ростовская епархия занимала обширное пространство. В нее входили Ярославская, Владимирская, Нижегородская, Костромская, Вологодская и частично

Московская, Тверская, Олонецкая земли. Языческие народы этого края были подвержены множеству суеверий, кровавых обычаев, гаданий и чародейств. Много потрудился добрый пастырь Леонтий для просвещения области Ростовской, но еще много нашел там язычников доблестный его преемник. Поэтому святитель Исаия, сказано в древнем житии его, «найдя людей новопросвещенных, еще не утвердившихся в вере, усердно напоял их учением своим». Он с миссией апостольской проповеди о Христе Иисусе обходил Ростово-Ярославские пределы, всюду «идольскую лествь попяляя» и бесстрашно сжигая языческих кумиров. Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь (Гал. 3, 27), – произносил святитель, умоляя христоименитое стадо свое быть крепким в вере и в жизни подражать Христу.

В одной стихире прекрасно выражен дух служения св. Исаии: «Что ты наречем, святителю? Ангела, яко безплотен на земли пожил еси, апостола, яко научил еси благоверию российския концы, мученика же, яко Христа ради до смерти подвизался еси, обращая люди от тьмы нечестия и приводя их на пажить богоразумия».

Утешением святителя Исаии было участие в его служении великого князя Владимира Мономаха. На средства великого князя был построен в Ростове Великом собор в честь Успения Пресвятой Богородицы, в котором была поставлена чудотворная икона, написанная преподобным Алипием Киево-Печерским (память 17/30 августа). Святитель Христов Исаия с любовью относился к бедным, нищим и всем нуждавшимся. Господь прославлял Своего угодника, совершая через него многие знамения и чудеса.

При благочестивой державе великого князя киевского Всеволода Ярославича, когда настало время освящения великой соборной церкви Киево-Печерской обители, скорбен был митрополит Иоанн, что не успел собрать на торжество сие боголюбивых епископов, по дальнему расстоянию их кафедр. Но благочестивое его желание исполнили Ангелы Божии, посылаемые на службу человекам для их спасения. И сему блаженному Исаии предстал в образе юношеском светлый Ангел и возвестил о дне освящения храма. Немедленно собрался в путь боголюбивый епископ и был участником духовного торжества, споспешествуемый силою свыше, для которой нет времени и пространства. Сам он, дивясь чудному своему странствию, поведал о том митрополиту всея Руси Иоанну, говоря, что не смел ослушаться повеления его и не прийти на освящение храма. Изумился первосвятитель сему таинственному зову, ибо никого не успел послать для приглашения епископов; дивное сие странствование было плодом послушания и ревности к церкви Божией. Три епископа: Исаия Ростовский, Лука Белгородский, Иоанн Черниговский – были сослужителями митрополита Иоанна при освящении «небеси подобной» церкви Успения Пресвятой Богородицы 14 августа 1089 года, и с радостью духовной возвратился Исаия к своей пастве, которая приняла его с великим торжеством, как присного отца своего.

Не более года после того пас свою паству Ростовскую святитель Исаия. Он скончался в мире в лето от Рождества Христова 1090, месяца мая 15 дня, после тринадцатилетнего епископства, посреди плача народного. И те же Ангелы, которые переносили его для освящения Печерской церкви, перенесли его душу в самые небеса в вечность.

В 1164 году святой благоверный князь Андрей Боголюбский заложил в Ростове Великом новый каменный храм, вместо пострадавшего от пожара в 1160 году деревянного. При раскопке фундамента под южной стеной были обретены мощи святителя Исаии. Говорит древнее предание и летопись: «Нашли гроб блаженного Исаии, открыв его, увидели одежду и тело святителя нетленными и прославили Бога, Который благоволил прославить угодника Своего не только в жизни, но и по смерти; сколько лет прошло, а одежда и тело блаженного остались неприкосновенными для тления». Мощи святителя поставили тогда в церкви св. Иоанна, и так как каменный храм едва был окончен, как обрушился, то они перенесены в собор уже в 1231 году и положены с правой стороны в притворе.

Мощи св. Исаии в первый раз были обретены вместе с мощами св. Леонтия 23 мая 1164 года. И с того же времени, как видно из жития прп. Феодосия, «и тамо чтут его со святыми», народ чтит св. Исаию за святого.

Но с течением многих лет утратилась память о чудесах его, так что даже никогда не возжигали светильника над его гробом, никогда не приходил священник с фимиамом покадить над ним, ибо самый притвор всегда был заключен. Не подобало однако столь великому светильнику оставаться под спудом. По рукописному житию, «архиепископ соборной церкви, видя, что образ св. Исаии все почитают и поклоняются ему, а гроб его (в притворе собора) в небрежении, созывает 17 мая священников и касается чудоносного гроба пречудного отца – переносит его оттуда в 1474 году и полагает в новом гробе с честью, близ южных дверей, где и ныне он подает исцеление». Первым архиепископом Ростова был в 1390 году Феодор. И церковное почитание св. Исаии началось с 1474 года, со времени перенесения мощей в храм; к тому же времени относится и первое письменное изложение его жития. В 1722 году они были переложены в серебряную гробницу.

В «Иконописном подлиннике» приводится описание внешнего облика святого: «Иже во святых отец наш Исаия епископ, Ростовский чудотворец, подобием рус, брада аки Власиева, от ушей пошире, ризы святительския, саккос празеленый и омофор, на главе клубук белый, в руках Евангелие».

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

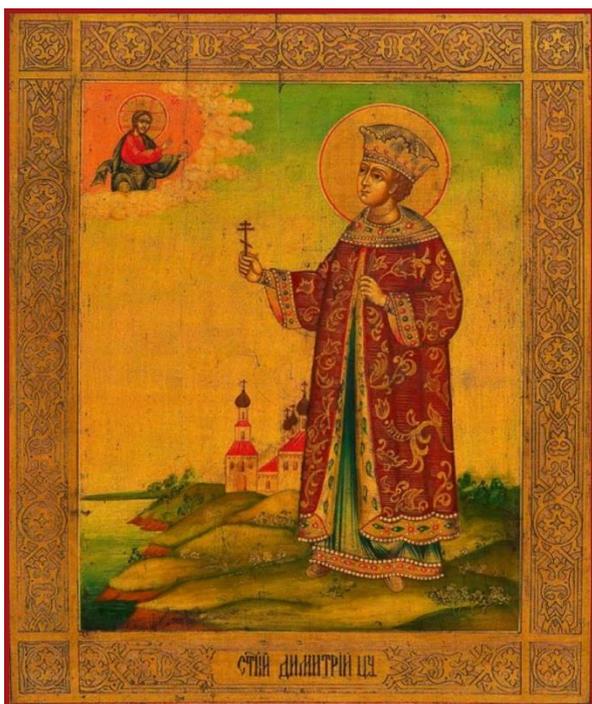
Тропарь, глас 8

Православия наставниче,/ благочестия учителю и чистоты,/ Ростову пресветлый светильниче,/ святителем Богодохновенное удобрение,/ Исаие премудре,/ учением бо твоим вся Российския концы просветил еси благодатию духовною,/ святителю блаженне,/ моли Христа Бога, да спасет души наша.

Кондак, глас 3

Яко гром, возгремел еси Божественными твоими учении в Российскойстей земли/ и явился еси светильник пресветел,/ осияя светом Богоразумия, Исаие блаженне./ Темже вопием тй:/ Христа Бога моли непрестанно о всех нас.

Димитрий Угличский, благоверный царевич

Святой благоверный царевич Димитрий, сын царя Иоанна IV Грозного от его седьмого брака с Марией Федоровной (из рода Нагих), родился 19 октября 1582 года (а по другим источникам 1583 или 1585 гг.) в Москве. Царь Иоанн назначил в удел царевичу с его матерью Углич. После смерти Иоанна Грозного на престол вступил старший брат царевича Димитрия Феодор Иоаннович. Однако фактическим правителем Русского государства был его шурин, властолюбивый боярин Борис Годунов. Добрый Феодор Иоаннович остался почти при одном имени царя, а все делалось, как хотел Борис; иностранные дворы присылали Годунову дары наравне с царем. Между тем Борису известно было, что в государстве, начиная с царя Феодора, признают Димитрия наследником престола и имя его поминалось в церквях. Сам

Борис в разных делах Феодорова времени признавал Дмитрия наследником престола.

Искони ненавидящий добро в роде человеческом диавол, видя сырых братьев, царя Феодора и царевича Дмитрия, ни о чем земном не радеющих, ибо ни славы мира сего, ни богатств не желали, и, не в силах будучи ни в чем их искусить, вложил в сердце Бориса твердый помысл восхитить самодержавство, чтобы быть властелином на Руси, когда истребится корень царский, не ведая того, что Бог власть кому хочет, тому дает. И тревожимый опасениями за свою будущность и обольщаемый мечтами о власти, Борис Годунов, привыкший распоряжаться всем с помощью самодержавного царя, стал действовать против царевича, как против личного врага своего, желая избавиться от законного наследника русского трона.

Для осуществления своего преступного замысла Борис Годунов решил удалить царевича от московского царского двора. Вместе с матерью – вдовствующей царицей Марией Феодоровной и ее родственниками царевич Дмитрий был отправлен в свой удельный город Углич.

Стараясь избежать опасного кровопролития, Борис Годунов пытался сначала оклеветать юного наследника престола, распустив через своих приверженцев лживые слухи о мнимой незаконнорожденности царевича и запретив помянуть его имя во время богослужений. Поскольку эти действия не принесли желаемого, коварный Борис прибег к распространению новых вымыслов: будто бы Дмитрий I с юных лет уже являет в себе наследственную суровость государя, отца своего. Но все это казалось Борису недостаточным; он не мог рассчитывать на царский престол, пока жив Дмитрий, а потому решился погубить царевича. Попытка отравить юного царевича с помощью Василисы Волоховой, кормилицы Дмитрия Иоанновича, не увенчалось успехом: смертоносное зелье не вредило отроку.

Но когда злодеи убедились, что нельзя совершать злодеяние в тайне, они решились на явное. Через своего сообщника Андрея Клешнина Борис отыскал знакомого человека, дьяка Михаила Битяговского, взявшегося собственноручно умертвить царевича. И посланный в Углич со своим сыном Даниилом и племянником Никитой Качаловым, будто бы для управления земскими делами и хозяйством вдовствующей царицы, Битяговский поручил Волоховой вывести в назначенное время царевича во двор. В субботний день 15 мая 1591 года утром боярыня мамка Волохова позвала Дмитрия гулять во двор; кормилица Ирина, как бы предчувствуя, удерживала царевича во дворце, но мамка силой вывела его из горницы в сени, к нижнему крыльцу, где уже были Осип Волохов, Данило Битяговский и Никита Качалов. Волохов, взяв Дмитрия за руку, сказал: «Сие у тебя новое ожерелье, государь?» Он же, кроткий агнец, подняв голову, тихим голосом отвечал: «Сие есть старое ожерелье». И Волохов кольнул его ножом по шее, но не захватил гортани. Кормилица, видя пагубу своего государя, пала на него и начала кричать, и убийца, бросив нож, побежал, но союзники его Данило Битяговский и Никита Качалов били кормилицу, едва не до смерти, и, отняв из рук ее праведного отрока, дорезали и сбросили его вниз с лестницы. В это время вышла на крыльцо царица и, увидев гибель сына своего, громко стала вопиять над ним. При виде этого страшного злодеяния пономарь соборного храма, запершись на колокольне, ударил в набат, созывая народ. Сбежавшиеся со всех концов города люди отомстили за невинную кровь восьмилетнего отрока Дмитрия, самочинно расправившись с жестокими заговорщиками. Донесено было в Москву об убиении царевича, и сам царь хотел отправиться в Углич для исследования преступления, но Годунов под разными предложениями удержал Феодора Иоанновича в Москве. И через своих людей князя В. И. Шуйского (впоследствии царь), окольничего Клешнина и дьяка Вылузгина, посланных в Углич для судебного разбирательства, Борис Годунов сумел убедить царя в том, что его младший брат якобы страдал падучей болезнью и умер нечаянно, упав на нож.

Царица-мать, обвиненная в недостатке надзора за царевичем, была сослана в отдаленный скудный монастырь святого Николая на Восхе, по ту сторону Белого озера, и пострижена в иночество с именем Марфы. Братья ее были сосланы по разным местам в

заточение; жители Углича за самовольную расправу с убийцами одни были казнены, другие сосланы на поселение в Пелым, а многим урезывали языки.

Казалось, все заглушено или все умерло; но глас Божий – глас народа: возникла молва народная о усопшем царевиче, и глухой ропот, тщетно подавляемый, все возрастал. Несмотря на приговор боярский и указ царев, никто не верил угличскому розыску князя Шуйского, хотя и укрепленному рукоприкладством стольких свидетелей мирских и духовных. Нельзя думать, чтобы верил и сам князь Шуйский, когда при других обстоятельствах, уж пятнадцать лет спустя, увенчанный сам наследственным венцом Дмитрия, писал в окружных грамотах своим народу, что «за грехи всего христианства православного великого государя царевича Дмитрия Иоанновича не стало, убит же он, как непорочный агнец в Угличе». Он перед всей Россией свидетельствовал, что «царевич Дмитрий Иоаннович, по зависти Бориса Годунова, яко овча незлобливо, заклася». И патриарх Иов в грамоте 1606 года писал: «Прият заклание неповинно от рук изменников своих»; и патриарх Ермоген в сказании об убиении царевича, и многие российские и иностранные современники – все единодушно говорили, что царевич убит по тайному приказанию Годунова. Ложь, прикрывающая убийц, стала явной, когда в 1606 году открыли гроб царевича, и тогда нашли, что «в левой руке царевич держал полотенце, шитое золотом, а в другой – орехи», в таком виде его и постигла смерть. Царевич Дмитрий был погребен в Угличе в дворцовом храме в честь Преображения Господня.

Но Господь, зрящий не на лица, а на помыслы, прежде даже нежели они созреют в деяния, произнес устами пророка Исаии: Мне отмщение, Аз воздам (Рим. 12, 19). И устами иного пророка: «Что грех отцев възыщет на сынех до третьего и четвертого рода, милость же Его на тысячи родов» (Исх. 20, 5–6). Он посетил дивными судьбами Своими всех, причастных к смерти Дмитриевой. Одним именем мнимо воскресшего отрока поражен сам Борис на престоле и все его семейство. И князь Василий Шуйский, ближайший судья в смерти царевича, низложивший первого Лжедмитрия, сам низложен с престола во время смут второго; и опять тень царевича оказывается сильнее обладающего царя: сам он невольнo пострижен, как бы за невольное пострижение матери царевича и, как братья ее Нагие, терпит он с братьями своими долголетние узы и кончается в плену со всем своим родом, некогда столь могущим. Таковы были дела Божии в людех Своих.

Уже в царствование Бориса Годунова у гробницы благоверного царевича Дмитрия стали совершаться исцеления больных. 3 июня 1606 года, в царствование Василия Шуйского, при патриархе Ермогене, святые мощи страстотерпца были обреты нетленными и перенесены в собор во имя Архистратига Михаила в Москве митрополитом Ростовским и Ярославским Филаретом, отцом будущего царя Михаила Феодоровича Романова.

Побуждением к этому было желание, по выражению царя Василия Шуйского, «уста лжущия заградить и очи неверующия ослепить глаголющим, яко живый избеже (царевич) от убийственных дланей», ввиду появления самозванца, объявившего себя истинным царевичем Дмитрием. Торжественно были перенесены святые мощи и положены в Архангельском соборе Московского Кремля, «в приделе Иоанна Предтечи, идеже отец и братия его». После многочисленных чудесных исцелений от святых мощей в том же 1606 году «составиша празднество царевичу Дмитрию трижды в год – рождение (19 октября/1 ноября), убиение (15/28 мая), перенесение мощей к Москве (3/16 июня)». Русская Церковь благоговейно чтит память св. царевича Дмитрия. Город Углич, почитающий святого царевича Дмитрия своим особым небесном покровителем, к этим дням присоединяет еще 16 мая. В этот день г. Углич совершает так называемую «празднество плащанице св. царевича». Плащаница (пелена) с изображением св. царевича Дмитрия была вышита его матерью на прославленные его мощи и одр, на котором они были несены из Углича в Москву. Эта плащаница, а также образ святого царевича, «на доске писанный», были присланы из Москвы в Углич (вероятно, патриархом Ермогеном). Впоследствии «умысли чин духовный и граждане, да устаноят празднество плащаницы сей месяца мая в 16 день,

носите вокруг дворца его и младенцы подносите, яко же и царевич имел семь лет с половиною, исправляя сие и до разорения Углича от Литвы». Праздник этот отличается глубоко умиленной торжественностью. В этот день после литургии вокруг «царевичева дворца» с торжественным крестным ходом обносились при пении тропаря царевичу плащаница и одр, на котором святые мощи царевича были несены из Углича в Москву. Под плащаницу и одр угличские граждане все – без различия званий и состояний – почитали непременно своей обязанностью подвести или поднести своих детей, начиная с грудных и до 8-летнего возраста. Глубокая вера, что злодейская рука убила только тело святого царевича, а святая душа предстоит престолу славы Царя Небесного, превращая день заклания – этот некогда ужаснейший день – в светло-радостный праздник – в «царевичев день»! День убиения святого царевича есть день его небесной радости, и свою небесную радость он сообщает детям, пришедшим на его праздник.

Святитель Димитрий Ростовский составил житие и описание чудесных исцелений по молитвам святого царевича Димитрия, из которого видно, что особенно часто исцелялись больные глазами.

В Угличе, на месте убиения святого царевича Димитрия, был построен храм его имени, который в народе получил название «церковь царевича Димитрия на крови». В этом храме хранилось рукописное житие благоверного царевича, написанное святителем Димитрием, митрополитом Ростовским.

Во время Отечественной войны 1812 года святые мощи благоверного царевича Димитрия были спасены от поругания священником московского Вознесенского женского монастыря Иоанном Вениаминовым, который вынес их под своей одеждой из Архангельского собора и спрятал в алтаре, на хорах второго яруса соборного храма в Вознесенском монастыре. После изгнания французов святые мощи были торжественно перенесены на прежнее место – в Архангельский собор.

В «Иконописном подлиннике» под 15 мая сказано: «Подобием млад отрок в венце царском и багрянице, руки молебные; убиен бысть на Угличе повелением Бориса Годунова».

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

Тропарь, глас 4

Царскую диадиму обагрил еси кровию твоею,/ Богомудре мучениче,/ за скиптр Крест в руку прием,/ явился еси победоносец/ и жертву непорочну Владыце принесл еси себе:/ яко бо агнец незлобив, от раба заколен еси./ И ныне, радуясь, предстоиши Святей Троице,/ молися о державе сродников твоих богоугодней быти/ и сыновом российским спастися.

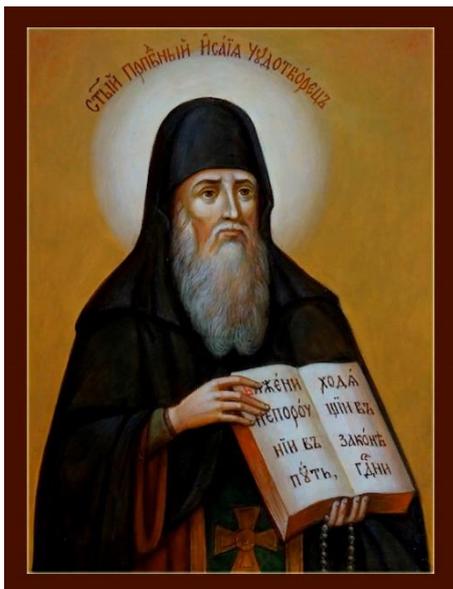
Ин тропарь, глас 1

Всеоружеством Духа благодати вооружен быв/ и необорим столп и утверждение отечеству своему показася,/ яко агнец незлобивый, от врага неправедно заклан быв/ и в жертву непорочну Господеви принесеся./ И ныне дар благодати от всех Подвигоположника прием,/ источавши всем исцеление, достохвальне благоверный царевичу княже Димитрие./ Слава Восприимшему тя от земных в Небесная,/ слава Венчавшему тя венцем неувядаемым,/ слава Действующему тобою всем исцеление.

Кондак, глас 8

Возсия днесь в славней памяти твоей верным веселие,/ яко бо доброрасленный грезн, прозябл еси/ и Христу красен плод принесл еси себе;/ темже и по убиении твоём соблюде тело твое нетленно,/ страдальчески обагренное кровию./ Благородие святе Димитрие,/ соблюдай отечество твое и град твой невредим,/ тому бо еси утверждение.

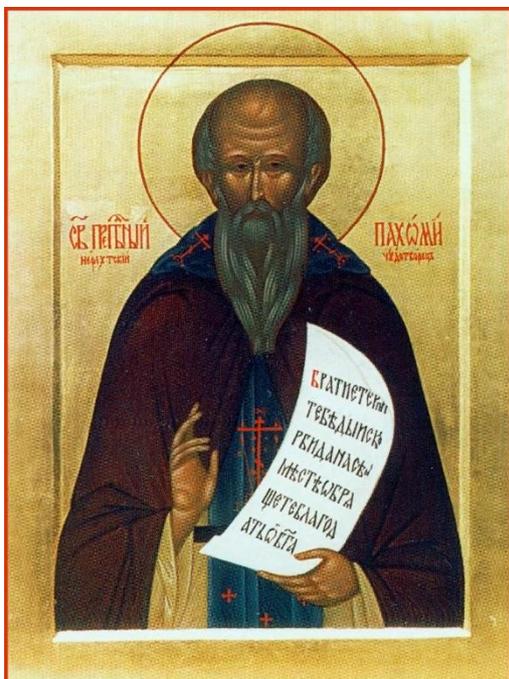
Исаия Печерский, преподобный

Преподобный Исаия в числе других Киево-Печерских святых подвизался в XI – начале XII вв. Основным подвигом жизни преподобного Исаии, которым он угодил Господу, было безмолвие и неутомимый труд, за что и именуется «преподобным старцем трудолюбивым»; в службе общей преподобным святым Киево-Печерским Исаия прославляется как «горлица пустыннолюбная». Ему вместе с Онуфрием и Сильвестром приписывается дар угашать страстные бесовские прилоги. «Онуфрий молчания любитель, Исаия горлица пустыннолюбная, с Сильвестром блаженным, триpletенная вервь на бесы, от нихже нанесенные страстные прилоги до конца удавивше, имут дарования и иным пособствовать, тем все их величают» (песнь 9, ст. 5). Кончину преподобного Исаии относят к 15 мая 1115 года. Мощи преподобного почивают в Антониевой пещере или в Ближних пещерах Киево-

Печерской лавры. Жизнь преподобного Исаии не описана в Патерике, и нет особой службы. Празднование преподобному Исаии совершается 15/28 мая, 28 сентября/11 октября и на второй неделе Великого поста.

Преподобный Пахомий Нерехтский, Сыпановский, Костромской

Дни памяти

5 февраля - Собор Костромских святых

28 мая

Преподобный Пахомий родился в первой четверти XIV века в городе Владимире на Клязьме. Мирское имя его было Иаков. Отец Иакова был священником в церкви святителя Николая, его имя Игнатий, мать называлась Анна. Оба они были люди богобоязненные и дали своему сыну благочестивое воспитание; семи лет он был отдан учиться священным книгам и, как скоро навык в Божественном Писании, начал проявлять необычайное усердие к храму Божию. Особенно любил Иаков молиться в монастыре во имя Рождества Пресвятой Богородицы, и в этой славной обители он принял иноческое пострижение с именем

Пахомия. «И возгорелось Духом Святым сердце его, – говорит древний жизнеописатель преподобного, – и затрепетала душа его Божественной любовью, ибо огонь Божественной благодати зажег душу его, и восхотел быть иноком. – Дух Святой вел его на этот путь».

Отец его тогда скончался, оставив Иакова 12-летним сиротой, а мать не препятствовала сыну исполнить его благочестивое намерение и благословила сына на путь иночества. Новопостриженный юноша передается опытному старцу, строгому и требовательному

духовному вождю, и беспрекословно подчинился ему: отрешается от своей воли и сдерживает желание своего сердца. Прошло сорок дней искуса, и настоятель посылает Пахомия в братскую пекарню. Неутомимо трудится здесь преподобный, работая днем и проводя без сна ночи, томя юную плоть свою.

Так прошло много времени. Игумен монастыря, видя трудолюбие и смирение преподобного Пахомия, приводит его к святому Алексию, наместнику Московского митрополита Феогноста, и просит посвятить Пахомия в диакона. Святой Алексей охотно исполняет это. И в сане диакона преподобный прожил в Рождественском монастыре много лет, около десяти, а затем сделался настоятелем Царе-Константиновской обители близ города Владимира. Святитель Алексей, восстановив древнюю обитель во имя равноапостольного царя Константина, не нашел для нее более подходящего игумена, чем преподобный Пахомий, добродетели которого давно знал он. Прибыв в 1362 году во Владимир, чтобы осмотреть воссозданную обитель, святитель Алексей поставил Пахомия ее начальником.

Несколько лет управлял преподобный обителью, устаивая в ней порядок жизни, назидая братию словом и примером. Но затем «Божия благодать пришла на него», и явилось у него желание перенести свои подвиги на место, где еще не сияли светом благочестия христианские подвижники. Ночью, тайно от братии, оставляет преподобный Пахомий Царе-Константиновскую обитель и удаляется в костромские пределы, на место, которое называлось Нерехта. С собою принес подвижник из имущества только две книги: «Правильную книжицу» и Псалтирь.

Нерехта упоминается первый раз в 1214 году, и в половине XIV века она представляла собой, вероятно, значительное промышленное селение. В Нерехте Пахомий остановился на несколько дней у одного странноприимного мужа и в это время искал места, удобного для создания новой обители. Такое место нашел преподобный в двух верстах от селения на восток: оно отличалось красотой, было возвышенно и поросло лесом: вокруг него протекало две реки – Солоница и ее приток, речка Гридевка. Место представляло собой полуостров и издревле называлось Сыпаново городище, Сыпанова гора или просто Сыпаново. Плененный красотой Сыпанова, подвижник просил жителей Нерехты уступить ему полуостров, на котором можно бы было поставить монастырь, и землю для обзаведения монастырского хозяйства. С радостью согласились исполнить просьбу нерехтчане, которым было очень приятно поселение у них святого, и усердно помогали преподобному Пахомию в устройении места для обители: рубили лес, расчищали землю, поставили малую келлию самому подвижнику. Преподобный на свои и на собранные с народа средства написал образ Живоначальной Троицы и с крестным ходом, сопровождаемый толпою народа, принес образ на Сыпаново. На месте основания храма образ был поставлен и отпет молебн. Разошелся народ по домам, а преподобный в своей келлии молился Богу, благодарил Его за успешное начатие дела и сказал: «Здесь покой мой; здесь я вселюсь и стану жить, и пусть будет то, что угодно Богу».

Жители Нерехты с большой охотой ежедневно приходили к преподобному Пахомию и помогали ему в трудах устройства монастыря. Преподобный усердно трудился с приходившими мирянами, благодарил жертвователей. Пример нерехтчан нашел подражателей среди окрестных жителей, которые также трудились с Пахомием. Появились желающие сожительствовать подвижнику в его пустыни; он с радостью постригал их в иноческий образ и принимал как чадолюбивый отец. Все было приготовлено к открытию Троицко-Сыпановой обители.

Тогда преподобный Пахомий отправился с одним из братьев в Москву и просил у митрополита Алексия благословение на построение храма в обители. Святитель с радостью принял подвижника, давно ему знакомого, вел с ним душеполезную беседу, без замедления дал благословенную грамоту и антиминос. По возвращении из Москвы преподобный еще ревностнее спешил окончить Троицкий храм, еще усерднее работали с ним нерехтчане и окрестные жители. Вскоре храм был готов, украшен иконами, снабжен книгами и

торжественно освящен при участии ближайшего духовенства и при стечении множества народа.

Окончив храм, преподобный Пахомий заботливо устраивает монастырь. Братия и многие посетители обители ставят братские келлии. Монастырь обносят стеною. Для пропитания братии заводится хлебопашество: вырубается окрестный лес, выжигается заросль и появляются поля, засеянные рожью, житом и овсом. Все это делал преподобный затем, чтобы братия не были праздными и питались от своих трудов, а не одними приношениями мирских людей. Этого мало. Помня, что монастырь устроился на пожертвования мирян и даже при их трудовом содействии, преподобный Пахомий поставил за монастырской стеною гостиницу для «гостей», то есть приходящих в обитель богомольцев. Исполняя долг гостеприимства, подвижник кормил пришельцев монастырским хлебом и сам с братией вкушал вместе с ними трапезу. Вместе с внешним шло и внутреннее устройство Пахомиевой обители. Подвижник дал ей строгий общежительный устав, определил монастырские должности: келаря, казначея, чтеца, певца и еkkлесиарха. В конце концов Нерехтский монастырь стал отличаться таким порядком, что другие монастыри стали ставить его в образец себе. Это вызывало и более усердные жертвы окрестных христовлюбцев: они давали святому на строение монастыря, каждый от своего имени, кто сколько мог. Один зажиточный нерехтчанин пожертвовал монастырю два колокола, третий устроил подвижник на собственные средства.

В трудах и заботах о своей обители, в молитвенных подвигах и попечении о спасении души своей состарился преподобный Пахомий, занемог и почувствовал приближение кончины. Инокам, окружившим одр, он сказал прощальное наставление: «Братия! – начал подвижник, – ныне отхожу от вас и вручаю вас всех Пресвятой Троице и Пречистой Богородице. А вы выберите вместо меня, кого хотите, настоятелем».

В ответ братия заплакали и единогласно сказали умирающему старцу: «Отец наш и пасть! Не лучше ли и нам быть погребенным с тобою, чем здесь оставаться без тебя!»

Преподобный утешил иноков, советовал им надеться на Бога и выбрал им в игумены на свое место Феодора, постриженника Владимирского Рождественского монастыря, оттуда пришедшего в Сыпановскую пустынь. И много святой поучал братию и наставлял на путь спасения, как соблюдать чин и устав монастыря, а в заключение прибавил: «Братия! Терпите находящие на вас скорби и беды на сем месте, да обряцете благодать Божию». После того преподобный испросил у братии прощение, дал им последнее благословение и отпустил с миром по келлиям. 21 марта он приобщился Святых Таин, взирая на иконы, провозгласил: «Господи! В руке Твои предаю дух мой», – и скончался. Это было в 1384 году.

Погребение останков угодника Божия было очень торжественно, при большом стечении народа. Честные мощи преподобного положены были по правую сторону алтаря Троицкого собора. Когда в Сыпанове строили каменную церковь на месте деревянной, 6 мая 1675 года они обретенны нетленными, но оставлены под спудом. Потом над ними был устроен придел во имя угодника Божия. Теперь его святые мощи почивают на левой стороне Пахомиевского придела, против северных врат алтаря. Красивая металлическая рака возвышается над ними, а поверх ее положен образ преподобного Пахомия.

Господь Бог прославил Своего угодника даром чудотворений как при жизни его, так и по смерти.

В Нерехте во дни преподобного Пахомия проживал человек, преданный неумеренному пьянству. От вина он лишился рассудка, бесновался и говорил бессмыслицу. Много заботились о нем родные, желая исцелить его от болезни, но напрасно. 1 августа, во время освящения воды, когда преподобный шел на речку Гридевку, родственники вели несчастного в монастырь. Остановив крестный ход, подвижник велел привести больного к иордани, где происходило водоосвящение, и осенил его крестом. Безумный бросился в воду и кричал: «Ах, как больно мне: старец опалил меня огнем». При этом он оставался в речке, которая неглубока, плакал и молился на иконы; рассудок вернулся к нему. Исцеленный

потом рассказывал, что из креста вышел огонь, который опалил его. После литургии Пахомий дал исцеленному просфору, и он навсегда избавился от своей болезни.

Инок Иринарх, поселившийся в монастыре при жизни преподобного и много помогавший ему в устройении обители, был искусным живописцем. Через два года после кончины святого напал на Иринарха блудный помысл и тяжело мучил его. Инок покаялся в своем грехе открыто перед всей братией, но и это не помогло ему. Он постился, молился и, наконец, обратился к заступлению преподобного Пахомия, могилу которого посещал каждый день. В одну ночь, утомленный молитвой и возвратясь с могилы, Иринарх заснул и видит во сне светлеющего старца, украшенного сединами, имеющего долгую бороду, белую, как снег, и с жезлом в руке. Старец сказал: «Брат Иринарх! Так всегда молись Господу Богу и Пречистой Богородице, Господь помиловал тебя, не согрешай впредь: вот исцеляет тебя Господь от помысла твоего».

При этом чудотворец ударил инок по левому бедру жезлом. Иринарх в ужасе вскочил и видит перед собою преподобного Пахомия, который говорит: «Не бойся, чадо! Ты теперь видишь меня: напиши же образ подобия моего, потому что Господь сопричислил меня к лику преподобных».

Проснувшись, Иринарх рассказал о своем видении игумену и братии и в удостоверение показал след удара на бедре своем. Исполняя волю почившего святого, Иринарх написал образ его, который стоит над гробницею и сохраняется донныне.

В селе Иванькове близ Костромы в конце XVIII и начале XIX вв. жил помещик Протасьев. Он долго болел глазами и наконец ослеп. Несчастный не знал, что делать. Но вот является ему во сне старец и советует помолиться преподобному Пахомию. Между тем Протасьев и не знал, где лежат его мощи. Один знакомый ему сказал, что преподобный Пахомий лежит в Сыпанове, и больной с радостью и надеждой явился туда. Целый день горячо молился Протасьев у раки преподобного и совершенно прозрел. В благодарность за исцеление свое он сделал серебряную ризу на гробовую икону преподобного.

В 1811 году в церкви Сыпанова работали живописцы. Один из них, Соколов, работал в куполе, но так лениво, что священник хотел удалить его. Внезапно Соколов тяжело занемог, заболела и его семья. Чувствуя приближение смерти, живописец раскаялся в небрежности своей. Тогда явился ему во сне преподобный Пахомий и говорит: «Вставай и впредь так не делай». Явление так сильно подействовало на Соколова, что, скоро выздоровев, он с усердием принялся за работу и прекрасно исполнил стенную живопись.

Рассказывают, что преподобный Пахомий еще раз явился живописцу перед тем, как писать ему на стене изображение угодника Божия. Пробудившись, Соколов немедленно взялся за кисть, чтобы не забыть черты лица преподобного Пахомия.

В 1843 и 1892 гг. жители Сыпанова были чудесно избавлены предстательством преподобного от пожара. Но особенно памятна для нерехтчан и всего Нерехтского края помощь угодника Божия во время холерных эпидемий 1848 и 1853 гг.

С весны 1848 года холера сильно распространилась по Костромской губернии. В Нерехте началась она в мае и скоро превратилась в мор. Прихожане села Сыпанова обратились с молитвой к преподобному Пахомию, и он избавил их от смертоносной язвы. Когда совершали крестный ход по селу и деревням прихода, болезнь немедленно прекращалась; отчаянные больные немедленно выздоравливали. В Нерехту икона преподобного принесена была в самый разгар эпидемии и оставалась десять дней, и там очень мало умерло из заболевших, – всего 9 человек из 300. Носили икону чудотворца и по соседним селениям и деревням.

Через пять лет повторились подобные явления милости Божией по молитвам преподобного Пахомия. В одной деревне был тяжело болен холерой старик. Без чувств лежал он, и родные ждали его смерти. Вдруг он вздрогнул и спросил: «Несут ли угодника?» Ему сказали, что с образом уже входят в деревню. Больной тотчас же встал, пошел навстречу иконе и носил ее по домам деревни совершенно здоровый. Так награждена была вера в помощь угодника Божия. Зато неверие наказывалось. Один врач и жена его смеялись

над приверженностью православных к иконам и набожностью народа. В тот же день заболели они холерой и в страшных мучениях скончались.

В 1866 году по молитвам преподобного Пахомия прекратился в Сыпанове падеж скота.

К 1892 году совершилось чудо над крестьянкой Елизаветой Федосеевой. Около двух лет у нее была нестерпимая ломота в ногах и пояснице; больная сначала еле ходила, потом более полугода почти не вставала. Много лечилась она у врачей, но ничего не помогало. Часто молилась она, прося Господа вразумить ее, куда ей идти на богомолье, чтобы получить исцеление. Молитва ее была услышана.

«Во сне ясно увидала я, — рассказывала сыпановскому священнику Елизавета, — будто молюсь в Пахомиев день, 15 мая, вот здесь у Троицы, стою же я в ограде, так как народа было множество, а когда пошли крестным ходом, от иконы преподобного Пахомия исходило необыкновенное сияние. Преподобный мне в эту же ночь явился в том виде, как написан на иконе, и велел сходить помолиться об исцелении перед его мощами. Как только я пробудилась, тотчас же дала обещание сходить в Сыпаново к преподобному и отслужить молебен; с этого же дня выздоровление мое пошло быстро, и вот я совершенно здорова. Не знаю, как и благодарить угодника».

Благодаря многочисленным чудотворениям местное почитание преподобного в его обители началось вскоре после его кончины, как это видно из чуда с Ирнархом. После обретения мощей преподобного Пахомия (в 1675 году) почитание его, естественно, усиливается: устраивается придел во имя его в одну связь с Троицкой церковью и каменная гробница над мощами. Дважды в год местно празднуется память угодника Божия: 21 марта/3 апреля – в день кончины, и 15/28 мая – в день его Ангела. Тогда бывает большое стечение богомольцев к приходской Троице-Сыпановской церкви, стоящей на месте закрытого в 1764 году монастыря.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-pakhomij-nerekhtskij-sypanovskij-kostromskoj>

Тропарь, глас 4

Житейских молв, преподобне, отвергся/ и, яко птиц, обрете себе в пустыни безмолвие,/ в молитвах и бдении прилежа Богови,/ преподобне отче Пахомие,/ и остави древнее пребывание,/ и отыде в пустыню, и в ней водворися,/ и состави обитель во Имя Пресвятыя Троицы,/ и процвел еси, аки финикс,/ и бысть образ утешения духовнаго./ Темже, преподобне Пахомие,/ моли Пресвятую Троицу спастися душам нашим.

Кондак, глас 4

В пустыни безмолвствуя,/ единствующу тя, Богоносе, взыскуюшу ти Господа,/ Богу же тебе не оставльшу единому быти в пустыни,/ и Того повелением снидошася к тебе неколико братии,/ с нимиже ти молящуся Господеви,/ Троице пречестен храм воздвиже,/ в немже предстояще, преподобне Пахомие,/ молися о спасении душ наших.

Преподобный Арсений Коневский обретение мощей прп. Арсения Коневского (1991)

Дни памяти

20 мая - Собор преподобных отец Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря

22 июня (переходящая) - Собор Афонских преподобных

25 июня

29 июня (переходящая) - Соборы Новгородских и Санкт-Петербургских святых

Преподобный Арсений Коневский родился в Новгороде Великом. Он был ремесленником, ковцом по меди. В 1373 году поступил в Новгородский Лисицкий монастырь, где принял монашество с именем Арсений.

Одиннадцать лет прожил молодой инок в обители, проходя различные послушания. Стремясь к еще более высоким духовным

подвигам, преподобный Арсений ушел на Святую Гору Афон. В одном из афонских монастырей он был 3 года, занимаясь изготовлением посуды из меди для афонских монахов; много времени преподобный Арсений посвящал молитве.

Когда настало время возвращения на Русь, игумен Иоанн благословил его иконой Пресвятой Богородицы, впоследствии получившей наименование Коневской, и передал подвижнику общежительный устав. Дальнейший подвиг преподобный Арсений проходил на Валааме. Часто взывал инок ко Господу, молитвенно просил он указать место для устройства новой обители. И однажды, когда он находился в море, случившаяся буря принесла его к острову Коневец, что на Ладожском озере. Здесь по промыслу Божию преподобный Арсений поставил крест и, оставшись для подвигов, построил часовню в 1393 году. После пятилетнего подвига в скиту преподобный Арсений преобразовал его в 1398 году по благословению Новгородского архиепископа Иоанна (1389–1415) в общежительный монастырь, где построил храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

Впоследствии, при архиепископе Симеоне (1416–1421), угодник Божий вновь посетил Святую Гору Афон, где испросил молитв и благословения для своей обители.

Оставшиеся без игумена братья монастыря стали претерпевать различные лишения и хотели разойтись. Но живший неподалеку старец Иоанн постоянно молился о них на вершине острова. Мать Божия явилась ему в сонном видении и утешила: «Скажи сетующим братьям, что Арсений скоро доставит им всякое продовольствие».

Действительно, преподобный Арсений скоро возвратился и привез все необходимое. В 1421 году после разлива Ладожского озера братья вынуждены были перейти на новое место на том же острове. Под мудрым руководством преподобного Арсения обитель вновь духовно процвела. Новгородские архиереи не оставляли иноков обители без своей помощи.

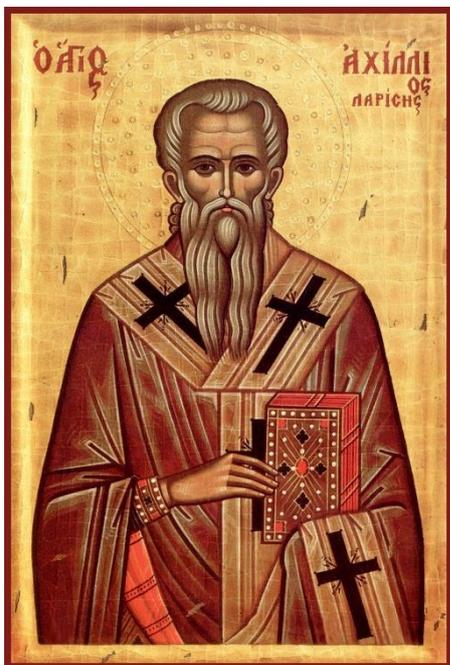
Особое усердие проявил святитель Евфимий II (1434–1458). В 1446 году он посетил обитель и, кроме щедрых пожертвований, подарил преподобному Арсению свой клубок. Так, «евангельски подвизаясь», святой Арсений 12 июня 1447 года «возшел к горнему торжеству» на руках любящей братии и был погребен в монастырском храме.

Преподобный Арсений почитается как покровитель моряков. Так, однажды он спас от гибели старца Моисея с рыбаками. Застигнутые бурей, рыбаки молились Господу; явившийся святой осенил их мантией, и лодка благополучно пристала к берегу. Житие

преподобного Арсения было написано в XVI веке Коневским игуменом Варлаамом. В 1850 году житие было издано вместе со службой и похвальным словом.

По материалам сайта; <https://azbyka.ru/days/sv-arsenij-konevskij>

Память преподобного отца нашего Ахиллия, епископа Ларисийского

Сей преподобный жил в царствование императора Константина Великого и происходил от благочестивых родителей. Предавшись благочестивой и богобоязненной жизни и изучив светские науки и высшую философию, он украсил себя всякими богоугодными деяниями, почему и поставлен был епископом верхней Ларисийской Фессалии¹ для христиан, обитавших во всей Элладе. Присутствуя на Вселенском соборе в Нике², он обличил Ария и его единомышленников³. Возвратившись затем снова в Ларису, он разрушил много идольских капищ, изгнал из бесноватых бесов и совершил великое множество других чудес. Кроме того, он вновь построил церковные здания и богато украсил их, после чего с миром отошел из этой жизни⁴.

1 Фессалия - область в древней Греции. Верхняя Фессалия названа Ларисийской от города Ларисы, расположенного на реке Пенее.

2 Город Никея находился в Малой Азии в древней Римской провинции Вифинии на восточном берегу озера Аскании.

3 В месяцеслов имп. Василия говорится, что преподобный Ахиллий, посрамляя на I Всел. соборе еретиков, возбудил всеобщее удивление.

4 Преподобный Ахиллий скончался ок. 330 г. Мощи его с 978 г. находятся в Болгарии в селе Агил, названном его именем.